

Елена Логос

Галопом за счастьем

18+

Елена Логос

Галопом за счастьем

«Автор»

2026

Логос Е.

Галопом за счастьем / Е. Логос — «Автор», 2026

Элла попала в любовный треугольник, и с этого момента её жизнь меняется навсегда. Два мира. Два совершенно разных мужчины. И один выбор, который ей предстоит сделать. Но как выбрать, если сердце тянется к обоим? Впереди неожиданные повороты и раскрытие тайны. «Галопом за счастьем» — это история о любви и страсти, о взлётах и падениях, о женской силе и умении прощать. О том, что жизнь — как галоп: захватывает дух, пугает и дарит ни с чем не сравнимое ощущение полёта. Для тех, кто любит чувственные и интересные романы с глубоким смыслом и лёгким, радостным, тёплым послевкусием. Примечание: В книге присутствуют сцены интимного характера, строго 18+. Все участники сцен интимного характера - совершеннолетние. Также может встречаться описание употребления алкоголя, что автор не пропагандирует и не одобряет. Данная книга является художественным вымыслом автора. Любые совпадения имён, событий и обстоятельств с реальными людьми или ситуациями являются случайностью.

© Логос Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Логос

Галопом за счастьем

Глава 1

Какой красивый жеребец, — выдохнула Элла, и её глаза цвета тёмного шоколада засияли от восхищения. — Какая стать, какая мускулатура, какой высокий!

Она стояла у белоснежного забора элитного конного клуба «Грация», вцепившись в деревянную перекладину так, что побелели костяшки пальцев. Перед ней, в манеже, и правда вышался Адонис — жеребец ганноверской породы, чёрный, как южная ночь, с гривой, в которой, казалось, запутались звёзды. Его мышцы перекатывались под лоснящейся шкурой, как волны ласкового моря.

Элла вздохнула. Не просто так. С желанием. Со щемящей, почти невыносимой мечтой, от которой в груди становилось тесно.

Рядом раздалось деликатное покашливание.

— Хорош, правда? — произнёс томный женский голос, от которого у Эллы, трудившейся ветеринаром в простой районной клинике, почему-то всегда сводило скулы. — Это Адонис.

Обладательницей голоса оказалась Марго — местная королева выездки, упакованная в идеально облегающие бриджи цвета кофе с молоком. Она смотрела на Эллу с лёгкой брезгливостью, как на навоз под своими безупречными сапогами.

И тут Элла, сама от себя не ожидая, выпалила:

— Я хочу на нём поездить.

Марго звонко, оскорбительно рассмеялась.

— Ты? Дорогуша, на Адониса очередь из элиты. А ты кто? Простушка. Ветеринар для хомячков? Иди и лечи их, не позорься.

Стыд обжёг щёки. Не за себя. За то, что Марго права: она, Элла, с её вечно растрёпанной русой косой и руками, пахнущими собачьим шампунем, — кто угодно, только не королева этого блестящего мирка. Она попятилась, мечтая провалиться под землю, и, конечно же, споткнулась о свой же рюкзак. Прямо в чьи-то заботливо подставленные, крепкие объятия.

— Осторожнее, — пробасил глубокий, спокойный голос. От него пахло сеном, лошадьми и чем-то невероятно уютным, древесным. — Здесь дамы иногда падают. Прямо в мои руки. Я уже начал привыкать.

Элла подняла глаза. Перед ней стоял мужчина. Он был в простой, слегка запылённой футболке, с широкими, сильными ладонями и лицом, которое не назовёшь модельным, но в его зелёных, чуть насмешливых глазах плясали такие золотые искорки, что у Эллы перехватило дыхание. Иначе, чем от вида Адониса, но перехватило.

— Я Матвей, — представился он, не разжимая рук, которые придерживали её за локти. — Конюх. И, кажется, я только что нашёл самую красивую причину для своего существования.

Элла глупо моргнула. Марго за её спиной пренебрежительно фыркнула:

— О, Матвей, ты всё шутишь?

Матвей, не обращая на Марго ни малейшего внимания, продолжал смотреть на Эллу. Его взгляд был тёплым и каким-то... понимающим.

— Значит, на Адонисе хочешь поездить? — спросил он тихо, одними уголками губ. — Будет тебе Адонис. Завтра, на рассвете. Когда вся эта... мишура ещё спит.

У Эллы сердце ухнуло в пятки. От его слов, от его обещания, от того, как его большой палец легко, почти невесомо погладил сгиб её локтя.

— Я... я правда ветеринар, — зачем-то сказала она. — Я не умею... на таких, как он.

— А на каких умеешь? — его зелёные глаза смеялись.

— На таких, как ты, — выпалила Элла и тут же залилась краской до корней волос.

Матвей расхохотался. Чисто, открыто, заразительно.

— Договорились, — сказал он. — Считай, это свидание. Только вместо ресторана — манеж. И вместо цветов — сено в волосах. Идёт?

Он ушёл, а Элла осталась стоять с бешено колотящимся сердцем. Рядом снова материализовалась Марго.

— И ты растаяла? От конюха? — она покачала головой, цокая языком. — Ой, не могу. Ладно, иди. Но помни: внешность — это всё.

Элла смотрела вслед Матвею, который легко и ловко подхватил тюк сена и понёс его в конюшню. Его спина была прямой, походка — уверенной, и в каждом его движении чувствовалась какая-то настоящая, не показная сила.

Она вдруг подумала: «Стать. Мускулатура. Высота...» И впервые за день её восхищение адресовалось не безупречному жеребцу, а простому конюху с глазами цвета тёплого мха.

—

Элла не спала всю ночь. Ворочалась в постели, сбивая простыню в жгут, и без конца прокручивала в голове завтрашнее утро. Вернее, уже сегодняшнее. За окном едва начала сереть предрассветная мгла.

«Свидание. Вместо ресторана — манеж. Вместо цветов — сено в волосах».

Она фыркнула в подушку, но сердце предательски забилося быстрее. Элла не верила своему счастью. Такой мужчина, как Матвей — живой, уверенный, с этими своими искрами в глазах — обратил на неё внимание? А уж поездка на Адонисе... Такой жеребец ей мог только снится, а прокатиться на нём она и мечтать не смела.

В назначенный час она уже стояла у ворот клуба, дрожа то ли от утренней свежести, то ли от волнения. Из конюшни, потягиваясь, вышел Матвей. Он был в простой серой футболке, которая предательски обтягивала плечи, и в старых джинсах, сидящих на бёдрах так, что у Эллы пересохло во рту.

— Пунктуальность — вежливость королей, — улыбнулся он, и у неё тут же потеплело в груди. — Пошли, твой принц заждался.

Адонис в стойле косил на неё умным, слегка высокомерным взглядом. Элла замерла в двух шагах, не решаясь приблизиться.

— Он меня сожрёт, — прошептала она.

— Не выдумывай, — Матвей взял её за руку. Просто, уверенно, будто имел на это полное право. Его ладонь была тёплой и шершавой. — Он только выглядит как сноб. На самом деле любит, когда чешут за ухом. Так же, как и я.

Элла засмеялась, и напряжение чуть отпустило. Матвей показал, как дать лакомство, как положить ладонь на бархатистый нос, как почувствовать дыхание огромного зверя на своей коже. От его близости, от его низкого голоса, который терпеливо объяснял ей каждую мелочь, у Эллы кружилась голова. И это было в сто раз пьянее любого шампанского.

— Ну что, рискнёшь? — спросил он, кивая на седло.

— А ты?

— А я на Грозе. Она моя девочка. Не такая выставочная, но с характером. Как и ты.

Элла замерла с ногой в стремени.

— Я — с характером?

— Ещё с каким, — он посадил её в седло, и на секунду его руки задержались на её талии дольше, чем требовала необходимость. — Ты не клевала на мою лесть вчера. Редкое качество.

Они выехали на манеж. Первые лучи солнца позолотили опилки, и в этом мягком свете всё казалось волшебным. Элла неуверенно держалась в седле, но Адонис, словно поняв, что перед ним новичок, шёл плавно и осторожно. Матвей на своей гнедой кобыле ехал рядом, и между ними завязался лёгкий, ни к чему не обязывающий разговор.

— Значит, ветеринар для хомячков? — поддразнил он.

— И для собак, и для кошек, и даже для одной очень наглой шиншиллы, — Элла улыбнулась. — А ты? Не похож ты на простого конюха.

— Почему это?

— Речь. Манера держаться. Ты уверен в себе так, будто весь мир у твоих ног.

— Может, так и есть? — он загадочно улыбнулся.

В этот момент в манеж вплыла Марго. Даже в шесть утра она выглядела так, будто сошла с обложки журнала «Конный спорт». Увидев Эллу на Адонисе, она застыла, и её лицо исказилось от злости.

— Что здесь происходит?! — её голос взрезал тишину, как хлыст. — Матвей, ты с ума сошёл? Кто ей разрешил?

— Я разрешил, — раздался властный голос от входа.

Все обернулись. В проёме стоял мужчина в безупречном костюме для верховой езды. Тот самый Алан, миллионер и владелец Адониса, которого Элла до этого видела только на фото в журнале. Он был ослепительно красив, холоден и словно высечен из мрамора.

Марго тут же расцвела и, покачивая бёдрами, направилась к нему.

— Алан, дорогой, ты только посмотри! Этот твой конюх позволяет себе невыносимую фамильярность. Посадил на твоего элитного жеребца непонятно кого!

— Алан, — произнёс он ледяным тоном, даже не взглянув на Марго, и направился напрямиком к Элле.

Она замерла в седле, чувствуя себя нашкодившей школьницей.

Он остановился рядом, и его взгляд скользнул по ней. Не оценивающе, как у Марго, а... с любопытством.

— Значит, это вы — та самая Элла, которая лечит хомячков и не верит в свою красоту? Элла потеряла дар речи. Откуда он знает её имя? И при чём тут красота?

— Я видел вас вчера, — пояснил Алан, чуть склонив голову. — И слышал вашу перепалку с Марго. Должен признать, вы держались достойно. Адонис, кстати, отчего-то капризничал последние дни. Но с вами он спокоен. Это талант.

Марго стояла позади с открытым ртом, напоминая выброшенную на берег рыбу. Матвей же, спешившись, подошёл к Элле и снял её с лошади. Его руки снова задержались на ней, на этот раз с явным собственническим жестом.

— Алан, утро доброе, — сказал он спокойно. — Я как раз показываю Элле, что элита — это не всегда те, у кого сапоги дороже.

Алан и Матвей обменялись странными взглядами. В них не было враждебности, скорее — давнее, непонятное Элле соперничество, замешанное на уважении.

— Что ж, — протянул Алан, переводя взгляд на раскрасневшуюся Эллу. — Раз уж у нас тут такое столпотворение, предлагаю пари. Маленькие соревнования. Я на Адонисе. Матвей на Грозе. А судить будет Элла.

— Я?! — пискнула она.

— Вы, — его губы тронула едва заметная улыбка. — И награда будет необычной. Победитель получит не кубок, а ужин с вами. В «Золотом павильоне».

У Матвея потемнели глаза.

— Алан, это нечестно. Она не приз.

— А я и не говорю, что приз — она, — холодно парировал Алан. — Приз — это возможность узнать её получше. Вы оба, кажется, этого хотите?

Элла стояла между ними — живым, горячим Матвеем и ледяным, безупречным Аланом — и чувствовала себя героиней какого-то невероятного, головокружительного романа. Марго за её спиной, кажется, скрипела зубами.

А Элла смотрела на Матвея. На то, как вздулась жилка на его шее, как он сжал кулаки. Не от злости. От азарта. И от желания победить не ради пари, а ради неё.

— Я согласен, — сказал он хрипло, не сводя с Эллы своих зелёных глаз, в которых плясал огонь. — Но предупреждаю, Алан. Я играю на победу. Всегда.

— Я тоже, — ответил тот с лёгким поклоном. — Завтра, в полдень. Элла, вы не опоздаете?

Сердце Эллы колотилось где-то в горле. Она посмотрела на Матвея. Он едва заметно кивнул ей: «Соглашайся».

— Я приду, — тихо сказала она, и её голос прозвучал гораздо увереннее, чем она себя чувствовала. — Я приду.

Когда она уходила из клуба, Матвей догнал её у ворот.

— Эй, — он взял её за подбородок, заставляя посмотреть в глаза. — Я не отдам тебя этому айсбергу. Даже не надейся.

— А я и не твоя, — улыбнулась она, чувствуя, как от его прикосновения по телу бегут мурашки. — Чтобы меня отдавать.

— Пока не моя, — поправил он, его голос прозвучал ниже, интимнее. — Но я очень, очень терпеливый. Ты даже не представляешь насколько.

Он отпустил её и пошёл обратно к конюшне, а Элла прижала ладонь к бешено бьющемуся сердцу. А то, что делал с ней этот мужчина одними только взглядами и словами, было горячее, чем любой секс в её прошлой жизни.

—

В полдень манеж клуба «Грация» напоминал светский приём. Марго, не сумев отменить соревнования, сделала всё, чтобы превратить их в шоу. Собрались зеваки, инструкторы, пара журналистов из местного глянца. Элла чувствовала себя неуютно в простом летнем платье среди этих разодетых павлинов. Она пришла без косметики, с всё той же косой, но с прямой спиной — Матвей вчера сказал, что её уверенность красивее любых бриллиантов.

Алан на Адонисе был божественно хорош. Чёрный фрак для выездки сидел как влитой, движения жеребца были плавны и точны, как балетный танец. Зрители ахнули, когда они выполнили сложнейшую связку — пируэт на галопе.

Матвей на своей гнедой Грозе был другим. Не таким вышколенным, не таким гляцевым. Но в каждом его движении, в том, как он сидел в седле, чувствовалась такая первобытная, мужская сила и связь с лошастью, что у Эллы перехватывало дыхание. Они дышали в унисон, человек и животное, и в этом был свой, дикий магнетизм.

Но чуда не случилось. Адонис был машиной, созданной побеждать. Алан финишировал первым с отрывом в долю секунды. Марго первой бросилась к нему с поздравлениями, буквально отпихнув кого-то локтем.

— Bravo, Алан, дорогой! — проворковала она. — Блестящая победа. И какой чудесный урок этому... Каждый должен знать своё место.

Алан спешил, даже не взглянув на неё. Он подошёл к Матвею, который спрыгнул с Грозы и гладил её морду.

— Отличный заезд, — сказал Алан спокойно. — Ты стал ещё лучше.

— Недостаточно, — Матвей криво усмехнулся. — Твой выход. Не заставь даму ждать.

Алан кивнул и направился к Элле. Марго шла за ним, как приклеенная.

— Элла, — он слегка поклонился. — Сегодня в восемь. Я пришло за вами машину.

— Она не готова к таким местам, — фыркнула Марго. — Алан, посмотри на неё! Она же опозорит тебя перед твоими партнёрами. Возьми лучше меня. Я знаю, как себя вести, что говорить...

— Марго, — голос Алана был тих, но разрезал воздух, как лезвие. — Если я захочу услышать чьё-то мнение, я спрошу. Вас это не касается. никоим образом.

Марго отшатнулась, как от пощёчины. Её лицо перекошило, и Элла увидела в её глазах не просто обиду — чистую, концентрированную ненависть. Смешанную с желчью, которая копилась годами. Марго резко развернулась и, чеканя шаг, удалилась в конюшню.

Элла посмотрела на Матвея. Он стоял поодаль, скрестив руки на груди. В его глазах была буря, но он взял себя в руки и подошёл.

— Поздравляю, — сказал он Алану. — Заслуженно.

— Спасибо, — Алан чуть прищурился. — Я надеюсь, ты не будешь валять дурака?

— Я никогда не валяю дурака, — в голосе Матвея зазвенела сталь. — Я найду способ. Я всегда нахожу.

Он повернулся к Элле и, не обращая внимания на Алана и на всех зрителей, взял её за руку. Его пальцы переплелись с её, тёплые и надёжные.

— Сегодня ты ужинаешь с ним, — сказал он тихо, только для неё. — Но завтра... завтра я украду тебя на целый день. Без пари, без соревнований. Просто ты, я, пикник у озера и никакого высшего света. Только честно. Ты хочешь этого?

Элла смотрела в его зелёные глаза, в которых бушевало обещание, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Он не давил. Он не торопил. Он просто ждал её «да», словно от этого зависело всё.

— Да, — выдохнула она. — Я хочу.

Матвей улыбнулся краешком рта и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Вот и славно. А теперь иди. Но помни: я буду ждать.

—

Весь оставшийся день Элла провела как в тумане. Она перебрала весь свой шкаф в поисках приличного наряда, пыталась читать, смотреть телевизор, даже взялась перемывать и без того чистую раковину — но мысли кружили только вокруг двух мужчин. Один — горячий, земной, с руками, пахнущими сеном, и глазами, от которых внутри всё переворачивалось. Второй — загадочный, холодный аристократ, похожий на ожившую мраморную статую. И оба хотели её внимания.

В шесть вечера в дверь позвонили.

Элла открыла и замерла. На пороге стоял посыльный — молодой человек в идеально сидящей униформе, с коробками в руках. За его спиной переминалась с ноги на ногу женщина с кожаным чемоданчиком — визажист, как Элла поняла позже.

— Элла Викторовна? — учтиво произнёс посыльный. — Вам просили передать. От господина Раевского.

Он вручил ей три коробки: большую, среднюю и маленькую. А также конверт из плотной кремовой бумаги. Элла, всё ещё не веря в происходящее, приняла подарки ипустила визажиста в квартиру. Руки дрожали.

В большой коробке лежало платье. Элла ахнула, когда развернула тончайшую бумагу. Это было не просто платье — это была мечта. Длинное, струящееся, цвета глубокого вина, с открытыми плечами и деликатным вырезом, который обещал намёк, но не кричал о нём. Ткань струилась сквозь пальцы, как вода, и пахло от неё чем-то невероятно дорогим и неуловимым.

В средней коробке обнаружили туфли. Идеальные, серебристые, на такой высоченной шпильке, что у Эллы закружилась голова от одной мысли, что ей предстоит на них ходить. Маленькая коробочка хранила клатч — расшитый камнями, переливающийся в свете лампы.

Элла вскрыла конверт. Почерк был твёрдым, мужским, буквы — угловатыми и точными.

«Элла, я хочу, чтобы этот вечер был для Вас особенным. Вы достойны самого лучшего, и я надеюсь, эти скромные дары помогут Вам почувствовать себя королевой. Не откажите в любезности принять и услуги стилиста — Светлана лучшая в городе. Она поможет Вам собраться. Моя машина будет у подъезда ровно в 19:30. С нетерпением жду встречи. Ваш Алан»

Элла перечитала записку трижды. «Скромные дары». Она даже боялась представить, сколько это всё стоит. Её месячная зарплата? Две? Годовая?

Светлана, визажист, оказалась милейшей женщиной с лёгкой рукой и безупречным вкусом. Она усадила Эллу перед зеркалом и принялась колдовать. За час из зеркала на Эллу взглянула совершенно незнакомая женщина. Волосы, которые она привыкла заплетать в косу или закручивать в небрежный пучок, теперь мягкими волнами спадали на плечи. Глаза стали огромными и загадочными, скулы — точеными, губы — манящими.

Она надела платье. Ткань обняла её фигуру так, словно была сшита специально для неё. Туфли добавили роста и заставили спину распрямиться, плечи — развернуться. Клатч лёг в ладонь, как продолжение руки. Элла смотрела на себя и не узнавала. Из зеркала глядела героиня глянцевого журнала. Девушка, которая привыкла к роскоши. Девушка, у которой нет проблем с деньгами.

— Вы прекрасны, — искренне сказала Светлана, собирая инструменты. — Господин Раевский будет сражён.

Чёрный автомобиль с кожаным салоном ждал у подъезда. Водитель открыл перед ней дверь, и Элла, подобрав подол платья, скользнула внутрь. В салоне пахло дорогой кожей и едва уловимым мужским парфюмом. Она провела ладонью по сиденью. Вот так, оказывается, живут некоторые люди.

Ресторан «Золотой павильон» находился на последнем этаже небоскрёба. Окна во всю стену открывали захватывающий вид на ночной город — россыпь огней до самого горизонта. Алан ждал её за столиком у окна. При виде Эллы он поднялся, и в его обычно холодных глазах мелькнуло что-то тёплое, почти восхищённое.

— Вы ослепительны, — произнёс он, целуя ей руку. Его губы были сухими и тёплыми. — Я знал, что это платье создано для вас.

— Вы слишком щедры, — Элла чувствовала, как горят щёки. — Я не привыкла... к такому.

— Привыкайте, — он улыбнулся уголками губ и отодвинул для неё стул. — Сегодня я хочу, чтобы вы просто наслаждались.

И она наслаждалась. Оказалось, Алан умеет быть не только ледяным и властным. Он был внимательным слушателем, тонким собеседником. Он расспрашивал её о работе, о любимых книгах, о детстве, и в его вопросах не было праздного любопытства — был настоящий интерес. Он рассказывал о своём бизнесе, о том, как строил «Грацию», о путешествиях, которые хотел бы совершить. Элла смеялась его шуткам, задавала встречные вопросы, чувствуя, как с каждой минутой тает лёдок настороженности.

Она поймала себя на мысли, что он нравится ей. Не как абстрактный миллионер с обложки, а как мужчина. Уверенный, зрелый, умеющий брать на себя ответственность. Рядом с ним она чувствовала себя защищённой. Хрупкой. Ценной. Это было совершенно новое ощущение.

Они ели какие-то невероятные блюда с французскими названиями, пили белое вино, которое Алан выбрал сам, и говорили, говорили, говорили. Оказалось, у них много общего:

оба любили старые фильмы, оба предпочитали горы морю, оба были «совами» и терпеть не могли рано вставать.

— Знаете, что я подумал, когда впервые вас увидел? — спросил Алан, когда подали десерт. Его голос стал мягче, интимнее.

— Что я ветеринар для хомячков? — усмехнулась Элла, вспоминая вчерашнюю фразу Марго.

— Нет, — он покачал головой и посмотрел ей прямо в глаза. — Я подумал: «Вот женщина, которая не знает, насколько она красива». И в этом есть что-то невероятно притягательное.

У Эллы перехватило дыхание. Она не нашлась, что ответить, и просто опустила глаза. Алан не давил. Он улыбнулся и сменил тему, словно понимал, что ей нужно время, чтобы переварить услышанное.

Когда он провожал её до машины, было уже далеко за полночь. У подъезда он снова поцеловал её руку и задержал ладонь в своей чуть дольше, чем позволяли приличия.

— Я бы хотел повторить этот вечер, — сказал он негромко. — Если вы позволите.

— Я... я не знаю, — честно ответила Элла. — Всё это так... непривычно.

— Я не тороплю, — он отпустил её руку. — Доброй ночи, Элла.

Дома она сняла платье и повесила его на дверцу шкафа. Оно мерцало в темноте, как напоминание о волшебном сне. Она умылась, стёрла остатки макияжа, натянула любимую старую футболку и легла в постель. Но сон не шёл. Перед глазами стояли двое.

Алан — воплощение стабильности, богатства, красивой и беззаботной жизни. С ним она могла бы забыть о счетах за квартиру, о кредитах, о вечной экономии. С ним она стала бы частью того мира, где платья присылают с посылными, а ужины проходят на вершине небоскрёба.

И Матвей. Живой, настоящий, с руками, пахнущими сеном, и глазами, в которых пляшут золотые искры. Тот, кто обещает украсть её на озеро. Тот, кто не сулит золотых гор, но заставляет сердце биться чаще одним своим присутствием.

Два мира. Два мужчины. И она — между ними, не зная, кого выбрать. И даже не подозревая, что у этих миров гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд.

Засыпая, она улыбнулась. Завтра — озеро. Завтра — Матвей. А там... будь что будет.

Глава 2

Утро следующего дня выдалось солнечным и прозрачным, словно сам мир решил напомнить Элле, что бывают дни, когда не нужно выбирать — можно просто быть счастливой. Она проснулась рано, без будильника, с чувством лёгкого волнения в груди. Сегодня — озеро. Сегодня — Матвей.

Она нарочно оделась просто: лёгкий сарафан в мелкий цветочек, который был ей немного коротковат, но в котором она чувствовала себя собой, босоножки на плоской подошве и соломенная шляпка. Никакой косметики, только бальзам для губ с ароматом клубники. Коса через плечо. Из зеркала смотрела не героиня глянцевого журнала, а та самая Элла, которая лечит хомячков, смеётся в голос и терпеть не может светские условности. И почему-то именно сегодня она нравилась себе гораздо больше, чем вчера в роскошном платье.

Ровно в девять у подъезда засигналил старенький, но ухоженный джип Матвея. Элла выпорхнула из подъезда и замерла, увидев его. Он стоял, облокотившись на капот, в простой белой футболке, которая предательски обтягивала плечи и грудь, и в выцветших джинсах. В одной руке он держал плетёную корзину, из которой торчало горлышко бутылки и край клетчатого пледа.

— Доброе утро, хомячий доктор, — улыбнулся он своей фирменной улыбкой, от которой у Эллы сразу же перехватило дыхание. — Ты сегодня ещё красивее, чем вчера. И это при том, что вчера ты была богиней.

— Лыстец, — она улыбнулась в ответ и подошла ближе. — Это что, пикник? Серьёзно?

— Обижает, — он приложил руку к сердцу. — Я готовился. В корзине магазинные круассаны и пирожки с вишней собственного приготовления, клубника, сыр трёх сортов и мой фирменный лимонад. И никаких устриц. Устрицы — это для тех, у кого денег больше, чем фантазии.

Элла рассмеялась, и Матвей открыл ей дверь. В салоне джипа пахло деревом, лошадьми и чем-то родным, что она не могла объяснить словами. На сиденье лежала простая ромашка — он, оказывается, сорвал её по дороге.

— Это вместо платья от кутюр, — сказал он, проследив её взгляд. — У меня нет миллионов, Элла. Но у меня есть это. Ромашка. Озеро. И целый день, который я хочу подарить тебе.

У неё зашипало в носу. Она взяла ромашку и вдохнула её тонкий, летний запах. Почему-то именно сейчас, в этом простом жесте, было столько искренности, что вчерашний вечер в «Золотом павильоне» показался вдруг красивой, но пустой декорацией.

Они ехали около часа, болтая о всякой ерунде. Матвей рассказывал смешные истории из жизни конюшни: как Гроза однажды стащила у него из кармана яблоко и потом делала вид, что ничего не было, как один из клиентов перепутал вольты и пируэты и чуть не вылетел из седла. Элла хохотала до слёз, чувствуя, как с каждой минутой уходит напряжение последних дней.

Озеро оказалось спрятанным в лесу, словно драгоценный камень в зелёной оправе. Вода была прозрачной и спокойной, в ней отражались верхушки сосен и белые облака. На берегу — ни души. Только они двое и целый мир.

Матвей расстелил плед, разложил еду, и они устроились в тени старой ивы. Разговор тек легко и свободно: о детстве, о мечтах, о том, как Элла когда-то хотела стать балериной, но стала ветеринаром, потому что больше всего на свете любила животных. О том, как Матвей в пятнадцать лет сам построил себе скворечник и с тех пор мечтал о собственном доме — не огромном особняке, а уютном, деревянном, с камином и собакой.

— У тебя совсем нет амбиций? — спросила Элла, откусывая круассан. — Ты не хочешь большего? Карьера, деньги?

Матвей помолчал, глядя на воду.

— Хочу, — сказал он тихо. — Но не так, как все. Я хочу заниматься любимым делом и получать за это достаточно, чтобы моя женщина и дети ни в чём не нуждались. Но я не хочу, чтобы деньги становились смыслом. Смысл — это вот это, — он обвёл рукой озеро, небо, её. — Это моменты. Это люди. Всё остальное — просто бумага.

Элла замерла. В его словах была такая глубокая, спокойная правда, что она вдруг почувствовала себя очень глупой со своими вчерашними метаниями. И в то же время... Вчерашний вечер был прекрасен. Платье, ресторан, внимание красивого, успешного мужчины. Разве это плохо — хотеть красивую жизнь?

— О чём задумалась? — Матвей приподнялся на локте и заглянул ей в лицо.

— О вчерашнем вечере, — честно ответила она. — Алан прислал мне платье. И туфли. И машину. Всё было... как в сказке. Я чувствовала себя Золушкой.

Матвей не отвёл глаз. Не помрачнел. Только уголки его губ чуть дрогнули.

— И как, понравилось быть Золушкой?

— Понравилось, — призналась она, и от этой честности вдруг стало легко. — Но сегодня... сегодня я чувствую себя настоящей. Понимаешь?

— Понимаю, — он кивнул. — Знаешь, Элла, я не буду тебе врать. Я не смогу подарить тебе платье от кутюр. У меня нет личного водителя и счёта в швейцарском банке. Но у меня есть это, — он положил руку на грудь, туда, где билось сердце. — И оно бьётся ради тебя.

У Эллы перехватило горло. Она смотрела в его зелёные глаза и чувствовала, как внутри всё переворачивается от нежности. Он не давил. Не требовал. Не ставил условий. Просто дарил ей свой мир и ждал, захочет ли она в него войти.

— Я не знаю, что мне делать, — прошептала она. — Вы оба... Вы такие разные. И вы оба мне нравитесь.

— Я знаю, — Матвей взял её за руку и легонько сжал пальцы. — И я не тороплю тебя. Думай. Выбирай. Но пока ты думаешь, я буду рядом. Я буду дарить тебе ромашки и возить на озеро. Пока ты сама не поймёшь.

Они замолчали, глядя на озеро. Солнце клонилось к закату, окрашивая воду в золото. Элла чувствовала спиной тепло его присутствия, слышала его спокойное дыхание и думала: как же сложно, когда сердце разрывается на две части. Два мира. Два мужчины. И где-то глубоко-глубоко — тайна, которая связывает эти миры воедино, но о которой она пока не знает.

В машине, на обратном пути, они снова болтали о пустяках, и Элла поймала себя на мысли, что ей не хочется, чтобы этот день заканчивался. У подъезда Матвей заглушил мотор и повернулся к ней.

— Завтра увидимся? Я покажу тебе, как чистить Грозу. Это очень медитативно.

— Увидимся, — улыбнулась она. — Спокойной ночи, Матвей.

Он наклонился и поцеловал её в щёку — легко, почти невесомо, но у неё всё равно закружилась голова.

— Сладких снов, хомячий доктор. Пусть тебе приснится что-то хорошее.

Она поднялась в квартиру, прижимая к груди ромашку, которая уже начала вянуть. Поставила её в стакан с водой, долго смотрела на неё и думала: почему самый простой цветок может приносить столько радости? И почему самый простой мужчина может быть таким сложным и глубоким?

И почему, чёрт возьми, Алан тоже никак не выходит у неё из головы?

А тем же вечером в клубе «Грация» происходил совсем другой разговор.

Марго сидела в пустом баре клуба, вцепившись в бокал с мартини так, что побелели костяшки. Она представила, как Алан был с Эллой. И желчь подступала к горлу. Она столько

лет добивалась Алана, столько раз была в его постели, столько раз надеялась, что он наконец-то увидит в ней не просто удобную любовницу, а женщину, с которой можно построить будущее. А он... он охладел. Перестал звонить. Перестал замечать.

Теперь он смотрит на эту... ветеринаршу.

В бар, насвистывая что-то себе под нос, вошёл Матвей. Он был в приподнятом настроении после чудесного дня и собирался проверить Грозу перед сном.

— О, какие люди, — протянула Марго, даже не пытаясь скрыть яд в голосе. — Счастливый конюх вернулся с пикника. И как, ромашки всё ещё работают?

Матвей остановился. Посмотрел на неё — на её злое, перекошенное лицо, на пустой бокал, на тени под глазами. И вместо того, чтобы огрызнуться, вдруг подошёл и сел напротив.

— Марго, — сказал он спокойно. — Ты долго ещё будешь себя травить?

— Не твоё дело, — отрезала она.

— Знаю, — он пожал плечами. — Но послушай. Я тебя не осуждаю. Ты любила Алана. Он — яркий, сильный мужчина. Трудно не влюбиться. Но он вытер об тебя ноги. Ты была для него удобной, пока была интересна. А теперь он пошёл дальше. И это говорит о нём, Марго, не о тебе.

Она подняла на него глаза, полные злых слёз.

— Ты не понимаешь. Ты не знаешь, каково это — когда тебя используют и выбрасывают.

— Знаю, — негромко сказал Матвей, и в его голосе не было ни насмешки, ни осуждения. — Мою мать тоже использовали. Дали денег и вышвырнули из жизни. Но знаешь, что она сделала? Она не стала травить себя обидой. Она вырастила меня. Она научила меня, что жизнь — она продолжается. Всегда продолжается. И никто не стоит того, чтобы из-за него разрушать себя.

Марго молчала. По её щеке скатилась слеза, но она быстро смахнула её.

— Ты красивая, сильная женщина, — продолжил Матвей. — Да, с характером, порой невыносимая, — он усмехнулся, и она невольно фыркнула в ответ. — Но ты достойна большего, чем быть чьей-то бывшей. Пойми это, Марго. Не ради меня. Ради себя.

Он встал, легко коснулся её плеча и вышел, оставив её одну.

Марго долго сидела в тишине, глядя на пустой бокал. А потом вдруг вытерла слёзы, достала телефон и удалила номер Алана из избранного. Не потому, что простила. А потому, что впервые за долгое время кто-то сказал ей правду, в которой не было желания уколоть.

—

А Элла тем временем лежала в постели и смотрела в потолок. В голове крутились две картинки: Матвей, который держит в руках ромашку, и Алан, который смотрит на неё поверх бокала с вином.

Она знала только одно: завтра она увидит Матвея. А послезавтра, возможно, Алан снова пришлёт машину. И ей придётся выбирать. Но не сейчас. Сейчас — спать. И пусть приснится что-то хорошее.

Как сказал Матвей.

—

Прошло три дня. Три дня, наполненных перезвонами, сообщениями и цветами. Алан взял осаду Эллы с той же холодной, продуманной методичностью, с какой, наверное, заключал свои миллионные сделки. Каждое утро курьер привозил букет — белые розы, потом нежно-розовые пионы, потом веточки орхидей, которые пахли ванилью. К каждому букету прилагалась записка, написанная тем же твёрдым, угловатым почерком: «*Доброе утро, Элла. Надеюсь,*

день будет к Вам благосклонен. А.», «Эти пионы напомнили мне Вас — такие же нежные и сильные одновременно. А.», «Сегодня важные переговоры, но мысли всё равно возвращаются постоянно к Вам. А.»

Элла ловила себя на том, что ждёт этих записок. Что перечитывает их по несколько раз. Что идёт на работу с лёгкой улыбкой, а возвращаясь домой, первым делом смотрит на экран телефона — не написал ли он.

Матвей тоже писал. Но его сообщения были другими: смешными, тёплыми, с фотографиями Грозы, с вопросами о том, как прошёл её день. Он не дарил орхидей — он приносил пирожки, которые пёк сам, и смешные магнитики на холодильник из тех мест, где бывал когда-то давно. Элла отвечала ему, смеялась его шуткам, и внутри становилось тепло. Но... цветы от Алана были красивее. Записки — изысканнее. А перспектива — ослепительнее.

Она начала склоняться к выбору. Сама того не замечая, она всё чаще думала: а почему бы и нет? Алан — взрослый, состоявшийся мужчина. Он умён, обходителен, щедр. С ним её ждёт жизнь, о которой она даже не мечтала: путешествия, приёмы, отсутствие нужды считать каждую копейку. Да, в нём было меньше живого огня, чем в Матвее, но, может быть, огонь — это не главное? Может быть, главное — это надёжность?

В четверг вечером Алан позвонил лично.

— Элла, в субботу благотворительный приём в «Империале», — его голос звучал, как всегда, спокойно и уверенно. — Я был бы счастлив, если бы Вы составили мне компанию.

— Приём? — Элла растерялась. — Алан, я никогда не была на таких мероприятиях. Я не знаю, как себя вести, что говорить...

— Вы будете самой красивой женщиной в зале, — перебил он мягко. — Остальное не имеет значения. Я пришлю платье. И Светлану. Просто скажите «да».

Она помолчала, глядя на букет орхидей на столе. Потом выдохнула:

— Да.

— Благодарю, — в его голосе послышалась улыбка. — Машина будет в семь.

В субботу всё повторилось, но с ещё большим размахом. Платье на этот раз было из тёмно-синего шёлка, струящееся и холодное на ощупь, как лунный свет. К нему прилагались бриллиантовые серьги — не в подарок, как уточнил посыльный, а «на вечер, с возвратом». Элла, примеряя их перед зеркалом, впервые задумалась: каково это — носить драгоценности, которые тебе не принадлежат? И каково это — быть женщиной, которую так же «одалживают» на вечер?

Но Светлана уже колдовала над её лицом, машина уже ждала у подъезда, и сомнения отступили на второй план, вытесненные волнением и предвкушением.

«Империал» оказался огромным особняком в центре города, перестроенным под место для светских раутов. Мраморные ступени, красная ковровая дорожка, шеренга фотографов у входа. Когда чёрный автомобиль Алана остановился, Элла на мгновение зажмурилась — вспышки камер ослепляли. Алан вышел первым и подал ей руку.

— Не бойтесь, — шепнул он, чуть наклонившись к её уху. — Это всего лишь свет. Он не кусается.

Элла вышла, и фотографы защёлкали затворами с удвоенной силой. Она слышала обрывки фраз: «...новая спутница Раевского...», «...кто она?..», «...какое платье!..» Алан вёл её сквозь толпу, уверенно и бережно, и она чувствовала себя редкой драгоценностью, которую наконец-то извлекли из шкатулки.

Внутри всё было ещё ослепительнее: хрустальные люстры, шампанское рекой, дамы в бриллиантах и мужчины в смокингах, которые говорили вполголоса и смотрели оценивающе. Алан представлял её каким-то людям — фамилии тут же выветривались из памяти, — и все улыбались, кивали, говорили дежурные комплименты. Элла улыбалась в ответ, стараясь не

выдать своего смятения. Она чувствовала себя рыбой, которую выбросили на берег, но которая изо всех сил пытается делать вид, что так и надо.

И всё же... Было в этом что-то пьянящее. Чувство избранности. Когда Алан клал руку на её талию, когда подносил ей бокал шампанского, когда смотрел с лёгкой гордостью — она забывала о неудобных туфлях и о том, что серьги надо вернуть. Она чувствовала себя женщиной на миллион. Женщиной, которая наконец-то попала в сказку.

—

Элла заметила Марго не сразу. Та стояла у колонны, в алом платье, которое слишком откровенно облегалo её фигуру, с бокалом в руке и с выражением лица, которое Элла не смогла бы описать иначе как «предвкушение катастрофы». Она была прекрасна, если не вглядываться в глаза — а в них плескалась такая смесь боли и ярости, что становилось не по себе.

Марго выждала момент, когда Алан отошёл к группе мужчин, обсуждавших какую-то деловую тему, и направилась напрямиком к Элле.

— Ну здравствуй, Золушка, — произнесла она достаточно громко, чтобы окружающие начали оборачиваться. — Освоилась?

— Марго, — Элла постаралась, чтобы её голос звучал ровно. — Добрый вечер.

— Добрый? — Марго криво усмехнулась. — Для тебя, может быть. Пока что. Только не обольщайся, дорогуша. Ты не первая, кого Алан выводит в свет. И далеко не последняя.

Элла ничего не ответила. Она чувствовала, как внутри всё сжимается от предчувствия беды. Алан, заметив, что происходит что-то неладное, поспешил к ним, но Марго уже вошла в кураж.

— Алан, милый! — её голос зазвенел на весь зал. — Я смотрю, ты нашёл себе новую игрушку? Симпатичная. Только надолго ли?

— Марго, успокойся, — Алан говорил тихо, но в его голосе был лёд. — Ты выпила лишнего. Пойдём, я вызову тебе такси.

— Такси?! — она расхохоталась, и в этом смехе не было ничего весёлого. — Ты меня выставляешь? Меня?! Да я была с тобой два года! Два года, Алан! Я спала в твоей постели, я знаю все твои секреты, я терпела твой холод и твою занятость! А ты меня вышвырнул, как только наигрался!

В зале повисла тишина. Оркестр, кажется, даже перестал играть. Элла стояла ни жива ни мертва, чувствуя на себе взгляды десятков людей. Алан побледнел, но сохранил самообладание.

— Марго, это не место и не время. Мы поговорим позже.

— Нет! — она шагнула вперёд и ткнула пальцем в Эллу. — Ты думаешь, ты особенная? Думаешь, он тебя любит? Очнись, дура! Он использовал меня, использует и тебя! Ему просто нравится процесс! Охота! А когда ты ему надоешь, он точно так же вышвырнет тебя и найдёт новую!

— Охрана, — негромко произнёс Алан, и двое мужчин в чёрном мгновенно выросли рядом с Марго.

— Не трогайте меня! — она вырвалась, но было видно, что силы её на исходе. По её щекам текли слёзы, размазывая тушь. — Я любила тебя, Алан... Я правда любила... А ты... Ты просто вытер об меня ноги...

Её вывели. В зале постепенно возобновились разговоры, но атмосфера была уже не та. Алан повернулся к Элле.

— Простите, — сказал он тихо. — Этого не должно было случиться.

— Кто она? — спросила Элла, хотя уже знала ответ.

— Моя бывшая, — он поморщился. — Мы расстались несколько месяцев назад. Она не смогла смириться.

— Она сказала, что вы были вместе два года.

— Да, — он не стал отрицать. — Мы были вместе. А потом я понял, что это никуда не ведёт. Я честно сказал ей об этом. Но она... она не хочет принимать реальность.

— И что, вы всегда так расстаётесь? — Элла сама удивилась тому, как холодно прозвучал её голос. — Женщины выходят, а вы вызываете охрану?

— Элла, — он взял её за руки. Его ладони были сухими и тёплыми, как тогда, в ресторане. — То, что было у нас с Марго — это совсем другое. Она хотела замуж, хотела статус. Я этого не предлагал. С вами всё иначе. Вы другая.

— Откуда вы знаете? — она высвободила руки. — Мы знакомы несколько дней.

— Я знаю, — повторил он, глядя ей в глаза. И в этом взгляде была такая убежденность, что Элла на мгновение заколебалась.

Оставшуюся часть вечера она провела как в тумане. Алан был безупречен: заботлив, внимателен, не отходил от неё ни на шаг. Он представил её каким-то важным людям, заставил улыбнуться, даже рассмешить сумел. Но слова Марго звучали в голове Эллы набатом: «Он использовал меня, использует и тебя... ему просто нравится процесс... охота...»

Когда машина везла её домой, Алан сидел рядом и молчал, словно понимал, что сейчас лучше не давить. У подъезда он поцеловал её руку, как всегда, и сказал:

— Я понимаю, этот вечер был непростым. Но я прошу вас: не судите меня по словам обиженной женщины. Дайте мне шанс показать, кто я на самом деле.

Элла кивнула, но внутри неё уже поселилось сомнение.

Дома она сняла платье, положила серьги в бархатную коробочку и села на кровать, глядя в одну точку. Марго выглядела ужасно — но она не выглядела сумасшедшей. Она выглядела раненой. Женщиной, которая действительно любила и которую действительно выбросили.

«А что, если и со мной так будет?»

Эта мысль была горькой и холодной. Элла вспомнила, как Алан говорил: «Она хотела замуж, хотела статус. Я этого не предлагал». А что предлагает он ей? Цветы, платья, рестораны. Это и есть ухаживания — или это та самая «охота», о которой говорила Марго?

Она достала телефон. Сообщение от Матвея, отправленное ещё днём, пока она готовилась к приёму: «*Как дела, хомячий доктор? Мы с Грозой скучаем. Я сегодня испёк булочки с корицей. Очень вкусные, даже сам удивился. Завтра привезу тебе парочку на дегустацию*»

Элла улыбнулась сквозь наворачнувшиеся слёзы. Матвей не дарил ей бриллиантов. Не водил по мраморным залам. Но он пёк булочки. И писал «скучаем». И ни разу не заставил её усомниться в своей искренности.

Она отложила телефон и легла, накрывшись одеялом с головой.

Два мира. Двое мужчин. Один обещает золото, но пахнет холодом. Другой обещает только себя, но пахнет корицей и сеном.

И она по-прежнему не знает, что выбрать.

—

После скандального приёма в «Империале» прошла неделя. Неделя, в течение которой Элла старательно избегала и Алана, и Матвея, ссылаясь на срочную работу и плохое самочувствие. Ей нужно было подумать. Разобраться в себе. Понять, чего она на самом деле хочет и кому из этих двоих мужчин можно верить.

Алан, впрочем, отступать не собирался. Каждое утро — новый букет. Каждый вечер — короткий звонок или сообщение, выдержанное в том же спокойном, уверенном тоне: «Я пони-

маю, Вам нужно время. Я умею ждать». И это «я умею ждать» почему-то трогало её больше самых пылких признаний.

Матвей тоже не давил. Он написал всего один раз, на третий день её молчания: *«Элла, если тебе нужно побыть одной — я понимаю. Но если захочешь поговорить или просто помолчать вместе — я рядом. Гроза передаёт привет и требует, чтобы ты приехала почесать ей за ухом. Она говорит, что никто не чешет так хорошо, как ты. Я с ней полностью согласен»*. Элла тогда рассмеялась сквозь подступающие слёзы и чуть не ответила, но всё-таки удержалась. Ей правда нужно было время.

Глава 3

В пятницу днём, когда Матвей чистил Грозу в деннике, а Алан просматривал финансовые отчёты в своём кабинете, к воротам клуба подкатил длинный чёрный автомобиль с тонированными стёклами. Из него вышел мужчина лет шестидесяти, высокий, поджарый, в дорогом костюме, которое сидело на нём с элегантно небрежностью. Серебристые виски, породистое лицо, холодные серые глаза — те самые, которые Алан унаследовал.

Виктор Романович Раевский-старший собственной персоной.

Он не был в клубе сына больше трёх лет. Их отношения после давней истории стали натянутыми, почти формальными: поздравительные открытки на Рождество, сухие деловые письма. Алан общался с отцом чаще — бизнес есть бизнес, — но теплоты в их разговорах не было. Слишком много старых обид, слишком много невысказанных упреков.

Виктор Романович оглядел территорию клуба с видом человека, который привык оценивать и выносить вердикты. Взгляд скользнул по конюшням, по манежу, по административному зданию. Ни одобрения, ни критики — только холодная констатация факта.

— Добрый день, господин Раевский, — у входа его встретила Марго. Она была в строгом жакете и с идеальной укладкой, ни следа той истерички, которую выводили под руки из «Империала» неделю назад. Увидев гостя, она на мгновение замерла, но быстро взяла себя в руки и натянула профессиональную улыбку. — Алан не говорил, что вы приедете.

— Алан вообще мало что говорит, — сухо заметил Виктор Романович, разглядывая Марго с вежливым, но оценивающим интересом. — А вы, полагаю, Маргарита? Мы, кажется, виделись пару лет назад, на каком-то приёме. Вы были с моим сыном.

— Да, я работаю в клубе, — ответила она уклончиво, не желая вдаваться в подробности своих прошлых отношений с Аланом. — Помощник управляющего, инструктор по выездке.

— И, судя по кубкам в холле, весьма успешный инструктор, — Виктор Романович чуть склонил голову, и в его холодных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Приятно видеть, что мой сын окружает себя профессионалами.

Марго расцвела. Она не привыкла к комплиментам от мужчин такого уровня — мужчин, которые не просто богаты, но обладают настоящей, старой властью, той, что не кричит о себе, а просто существует, как существуют горы или океан. Алан никогда не говорил с ней так... уважительно. Для него она всегда была просто удобной спутницей, а потом — досадной помехой.

— Позвольте, я покажу вам клуб, — предложила она, и её голос прозвучал мягче, чем обычно. — За последние годы многое изменилось.

— С удовольствием, — Виктор Романович подал ей руку, и она, поколебавшись секунду, оперлась на неё.

Они шли по территории клуба, и Марго рассказывала о новых программах тренировок, о лошадях, которых приобрели недавно, о соревнованиях. Виктор Романович слушал внимательно, задавал точные, умные вопросы, иногда вставлял замечания, которые выдавали в нём человека, знающего толк в лошадях. Оказалось, в молодости он сам занимался выездкой, даже выигрывал какие-то турниры, пока бизнес не поглотил всё его время.

— Вы удивительно разбираетесь в лошадях, — заметила Марго, когда они остановились у денника Адониса. — Алан никогда не говорил...

— Алан многого обо мне не говорит, — перебил Виктор Романович, и в его голосе послышалась едва уловимая горечь. — Мы с ним... не особенно близки. Увы. Это моя вина, я полагаю. Когда-то я совершил ошибку, о которой жалею до сих пор. Ошибку, которая разрушила нашу семью.

Марго слушала, затаив дыхание. Она знала о той «ошибке», но она не знала, что сам Виктор Романович способен говорить об этом с такой откровенностью.

— Иногда мы теряем то, что любим, — продолжал он, глядя куда-то вдаль, поверх её плеча. — И потом всю жизнь пытаемся это вернуть. Но время не идёт вспять, не так ли?

— Не идёт, — эхом отозвалась Марго, думая о своём. О том, как Алан смотрел сквозь неё. Как выставил её из своей жизни, словно она была не женщиной, которую он когда-то целовал, а надоевшей вещью.

Виктор Романович повернулся к ней и вдруг улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка у него была неожиданно тёплой, почти мальчишеской, и Марго на мгновение увидела в нём не пожилого миллионера, а красивого мужчину, который когда-то сводил с ума женщин.

— Маргарита, а не согласитесь ли вы поужинать со мной сегодня? — спросил он просто. — Я давно не был в этом городе и, признаться, не знаю приличных мест. А вы, кажется, знаете.

Марго опешила. Она ожидала чего угодно — делового предложения, просьбы устроить встречу с Аланом, — но только не приглашения на ужин.

— Я... — она запнулась. — Я не уверена, что это уместно. Алан...

— Алан — взрослый мальчик, — отрезал Виктор Романович. — И он не имеет права диктовать, с кем вам общаться.

Марго вдруг почувствовала странный, мстительный азарт. Алан её выбросил? Алан променял её на ветеринаршу для хомячков? Что ж... Посмотрим, как ему понравится, если его родной отец окажется к ней более благосклонен.

— Хорошо, — сказала она, поправляя волосы. — Я знаю одно место. Тихое, уютное, с отличной кухней. Заеду за вами в семь.

— Договорились, — Виктор Романович кивнул и, прощаясь, поцеловал ей руку — так же, как это делал Алан, но, странное дело, в исполнении отца этот жест казался более искренним. Или ей просто хотелось так думать.

—

Вечером они сидели в маленьком итальянском ресторанчике на тихой улочке, пили красное вино и говорили. Оказалось, что Виктор Романович — блестящий рассказчик. Он говорил о своей молодости, о том, как начинал бизнес в девяностые, как впервые сел на лошадь и сразу понял, что это любовь на всю жизнь. Марго слушала, забыв о времени. Он не пытался её впечатлить — просто был собой. И это подкупало.

— Знаете, Маргарита, — сказал он, когда подали десерт, — я давно не встречал женщину, с которой было бы так... легко. Обычно люди либо хотят от меня денег, либо боятся. А вы, кажется, не хотите и не боитесь.

— Я действительно не хочу, — она улыбнулась краешком рта. — И не боюсь.

— Вот за это и выпьем, — он поднял бокал, и они чокнулись.

Провожая её до машины, он взял её за руку и задержал в своей чуть дольше, чем следовало.

— Маргарита, я знаю, что это может прозвучать странно, — он слегка нахмурился, подбирая слова. — Но я бы хотел увидеть вас снова. Не как помощницу моего сына. Не как инструктора. А просто... как красивую, умную женщину, с которой мне интересно.

— Это и правда звучит немного странно, — она усмехнулась, но руку не отдернула. — Но я подумаю.

— Думайте, — он улыбнулся. — Я остановился в «Гранд-отеле», номер 501. Если надумаете — позвоните.

И уехал, оставив её стоять на тротуаре с бешено бьющимся сердцем и чувством, что жизнь только что сделала самый неожиданный поворот в её судьбе.

—

А через три дня Алан позвонил Элле.

Она сидела дома, перебирала старые фотографии и думала о том, что пора, наверное, уже ответить хоть кому-то: Матвею, который, наверное, с ума сходит от неизвестности, или Алану, чьи букеты уже не помещались в квартире. И когда зазвонил телефон, она вздрогнула.

— Элла, — голос Алана звучал мягче, чем обычно. — Я знаю, вы просили время. И я дал вам его. Но я хочу сделать вам предложение.

— Какое? — она насторожилась.

— В эти выходные я еду в своё шале в горах. Это чудесное место: камин, сосны, тишина. Никаких светских приёмов и никаких фотографов. Только вы, я и снег за окном. Я хочу, чтобы вы поехали со мной.

Элла замерла. Шале в горах. Это звучало как приглашение, у которого может быть только одно продолжение. Она не была наивной: мужчины не зовут женщин в уединённые дома в горах, чтобы просто поговорить о погоде.

— Алан, я...

— Я понимаю ваши сомнения, — перебил он. — И я не тороплю. Если вы не готовы — я приму это. Но я хочу, чтобы вы знали: я никогда не встречал женщину, ради которой был бы готов ждать. Ради вас — готов. И хочу просто провести время с вами. Без продолжения.

И это стало решающим доводом. Не цветы, не платья, не бриллианты. А эти слова: «ради вас — готов. Просто время. Без продолжения».

— Хорошо, — сказала она, и её голос дрогнул. — Я поеду.

—

Шале оказалось именно таким, каким она его представляла: огромный деревянный дом на склоне горы, с панорамными окнами, за которыми простиралась долина, укрытая пушистым одеялом снега. Внутри пахло деревом и хвоей, в огромном камине потрескивали дрова, на полу лежали мягкие ковры, в которые хотелось зарыться босыми ногами. Никакой прислуги — только они вдвоём.

Алан в этом месте был другим. Не холодным аристократом, не расчётливым бизнесменом, а просто мужчиной, который наслаждается покоем. Он сам приготовил ужин — простое, но изысканное блюдо из форели и овощей, — и они сидели у камина, пили белое вино и говорили, говорили, говорили.

Он рассказывал о своём детстве: об отце, который всегда был слишком занят, о матери, которая умерла, когда ему было пятнадцать, об одиночестве, которое он привык считать нормой. Элла слушала, и лёд в её сердце понемногу таял. Она видела перед собой не холодного хищника, каким его выставляла Марго, а человека — сложного, раненого, но настоящего.

— Я никогда никому этого не рассказывал, — признался Алан, глядя в огонь. — С вами... с вами почему-то хочется.

—

Ночью, когда вино было допито, а дрова в камине прогорели до мерцающих рубиновых углей, Алан подошёл к ней. В комнате было тепло, почти жарко, и Элла сидела на мягком ворсистом ковре, подобрав под себя ноги, глядя на угасающий огонь. Она слышала его шаги — мягкие, уверенные, — и сердце забилось чаще.

Он опустился рядом с ней, взял её руку в свою. Его ладонь была тёплой и сухой, а прикосновение — удивительно бережным для мужчины, который привык повелевать. Элла подняла глаза и встретилась с его взглядом. В серых глазах Алана, обычно холодных, как зимнее

небо, сейчас плясали отблески огня, и в них было что-то, чего она раньше не видела. Уязвимость. Настоящая, живая, неприкрытая.

— Элла, — произнёс он, и её имя прозвучало в его устах как молитва. — Я хочу, чтобы ты знала: я не играю. Не охочусь. Не пытаюсь завоевать трофей. Ты — не трофей. Ты... Ты просто ты. И я хочу быть с тобой.

Она смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри, где-то глубоко-глубоко, ослабевает последняя ниточка сопротивления. Она больше не думала о Марго, о её истерике в «Империале», о предупреждениях, которые звенели в ушах ещё вчера. Сейчас, в этом доме, затерянном среди заснеженных гор, всё это казалось далёким и неважным. Важным было только одно: он здесь, он смотрит на неё так, будто она — единственная женщина на всей планете, и она хочет ему верить.

Она не ответила словами. Вместо этого она подалась к нему вперёд, чуть ближе. И Алан её поцеловал, а она ему сразу ответила.

Это был не робкий поцелуй. Не тот, каким целуют на первом свидании, проверяя, не оттолкнут ли. Это был поцелуй-приглашение, поцелуй-согласие, поцелуй, в который она вложила всё, что боялась сказать вслух. Их губы были мягкими и тёплыми, с лёгким привкусом вина.

Его руки скользнули вверх по её плечам, зарылись в распущенные волосы. Он целовал её медленно, со сдержанной, почти мучительной нежностью, словно боялся спугнуть, словно она была драгоценной фарфоровой статуэткой, которая может разбиться от одного неловкого движения. Но Элла не хотела, чтобы с ней обращались как с фарфором. Она хотела чувствовать. Хотела, чтобы он позволил себе быть настоящим.

Она потянула его за ворот рубашки, притягивая ближе, и её пальцы легли на его шею, туда, где под кожей бился пульс — частый, горячий, живой. Алан застонал, едва слышно, и этот звук, сорвавшийся с его губ, стал для неё лучшим признанием, чем любые слова.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал он, отрываясь от её губ и касаясь лбом её лба. — С первого дня. С первой секунды, когда я увидел тебя там, у манежа. Ты стояла, вцепившись в забор, и смотрела на Адониса, а я смотрел на тебя и думал: «Вот оно».

— Что «оно»? — спросила она, задыхаясь.

— То, чего я не искал, но нашёл.

Он опустил её на ковёр и на мгновение замер, просто глядя на неё. Элла лежала перед ним, раскинув волосы, раскрасневшаяся, с припухшими от поцелуев губами, и в её глазах читалось и желание, и лёгкий испуг, и безграничное доверие.

— Ты прекрасна, — сказал он тихо. — Я хочу, чтобы ты это знала. Не потому, что я так говорю. А потому, что это правда.

Он начал раздевать её медленно, мучительно медленно, словно разворачивал самую драгоценную обёртку в своей жизни. Сначала платье — тонкий шёлк соскользнул с плеч и лёг к её ногам лужицей лунного света. Потом кружевное бельё, которое он снимал с трепетом, касаясь пальцами каждого сантиметра обнажающейся кожи. Его губы следовали за пальцами: запястье, локтевой сгиб, ключица, впадинка у основания шеи, где бился её пульс — такой же частый, как у него. Элла выгибалась навстречу его прикосновениям, и каждый поцелуй отзывался в ней горячей волной, которая прокатывалась от макушки до кончиков пальцев.

Она тоже хотела касаться его. Стянула с него рубашку, провела ладонями по его плечам, по спине, чувствуя, как перекачиваются мышцы под гладкой, горячей кожей. Алан не был таким массивным, как Матвей — в нём была другая сила, жилистая, точёная, как у хищника, который никогда не делает лишних движений. Но сейчас, под её пальцами, эта сила дрожала. Он тоже был уязвим. Он тоже хотел.

Когда он вошёл в неё, Элла ахнула. Не от боли — от полноты ощущения, от того, как точно, как совершенно они подошли друг другу. Алан двигался медленно, но глубоко, и каждое

движение отдавалось в ней волной наслаждения, которая нарастала, накатывала, затапливала всё сознание. Он шептал что-то ей на ухо — то ли её имя, то ли какие-то слова, которых она не могла разобрать, но которые были самыми правильными словами на свете. Она обхватила его ногами, притягивая ещё ближе, ещё глубже, и мир за окном — снег, горы, звёзды — исчез, растворился, оставив только их двоих.

Она достигла пика первой — и это было похоже на взрыв света за закрытыми веками, на падение в бездну, из которой нет возврата. Она вскрикнула, вцепившись в его плечи, и Алан, услышав этот звук, позволил себе отпустить контроль и сделал это в неё. Он застонал, зарылся лицом в её волосы, и она почувствовала, как его тело содрогнулось, прижимаясь к ней так тесно, словно они хотели врасти друг в друга.

Потом они долго лежали в тишине, нарушаемой только потрескиванием дров в камине. Голова Эллы покоилась на его груди, и она слушала, как постепенно успокаивается его сердце: от бешеного галопа — к ровному, глубокому ритму. Его рука лениво гладила её по волосам, перебирая пряди, и в этом простом, почти неосознанном движении было столько нежности, что у неё защипало в носу.

— О чём ты думаешь? — спросил он тихо, и его голос завибрировал у неё под щекой.

— О том, что мне страшно, — честно ответила она.

— Чего ты боишься?

— Что это сон. Что я проснусь, и ничего этого не было. Или что было — а потом закончится.

Алан чуть приподнялся на локте и заглянул ей в лицо. В отблесках камина его серые глаза казались тёплыми, почти медовыми.

— Я не могу обещать тебе, что всё будет просто, — сказал он серьёзно. — Я сложный человек. Со мной трудно. Но я могу обещать тебе одну вещь: я никогда не причиню тебе боль намеренно. Никогда не солгу. И никогда не сделаю с тобой того, что сделал с другими. Ты — не «другая». Ты — та самая.

Она не знала, правда ли это. Не знала, можно ли ему верить. Но в эту минуту, в этом доме, укрытом снегом, она хотела верить. И она закрыла глаза, прижалась к нему крепче и позволила себе заснуть в его объятиях.

—

Утро пришло тихо, на мягких лапах, как приходит зима. Элла проснулась от того, что солнечный свет, отражённый от снега за окном, заливал комнату золотом. Несколько секунд она не могла понять, где находится. Потом память вернулась — горячей волной, вместе с ощущением лёгкой, приятной усталости в теле и с запахом его кожи.

Самого Алана рядом не было, но из кухни доносился аромат свежесваренного кофе и звук — он что-то тихо напевал, кажется, какой-то старый джазовый мотив. Элла потянулась, улыбнулась сама себе и на мгновение позволила себе просто побыть счастливой.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, как посмотрит в глаза Матвею, когда вернётся. Не знала, что скрывает от неё судьба и какие тайны ещё не раскрыты. Но сейчас, в это тихое снежное утро, она чувствовала себя женщиной, которая сделала выбор. И этот выбор был — Алан.

Или ей только так казалось?

—

Прошло три дня с тех пор, как Виктор Романович Раевский-старший впервые переступил порог клуба «Грация». Три дня, в течение которых Марго не находила себе места. Она то и

дело касалась пальцами экрана телефона, перечитывая его сообщения — короткие, по-мужски скупые на слова, но такие... интригующие.

«Маргарита, я не перестаю думать о нашем ужине. Это было лучшее завершение вечера за последние несколько лет. Надеюсь, вы не сочли меня навязчивым?»

«Сегодня проезжал мимо цветочного магазина и поймал себя на мысли, что гадаю: какие цветы вы любите? Глупо, правда? В моём возрасте и гадать о цветах...»

«Если я приглашу вас на ужин ещё раз — вы согласитесь? Я, конечно, умею ждать, Маргарита. Но, признаться, с каждым годом это умение даётся мне всё труднее»

Она перечитывала эти сообщения снова и снова, чувствуя странное, давно забытое тепло где-то в груди. Алан никогда ей такого не писал. Алан вообще редко писал — он звонил, когда ему было удобно, назначал встречи, когда у него было время, и исчезал, когда интерес угасал. А его отец... Его отец, оказывается, умел ухаживать. По-старомодному, неторопливо, с тем особенным достоинством, которое свойственно мужчинам, знающим цену и себе, и женщине.

Марго поймала себя на мысли, что ждёт этих сообщений. Что проверяет телефон чаще обычного. Что, выбирая наряд для очередного рабочего дня, задумывается: а вдруг он сегодня заедет в клуб?

И когда в четверг вечером, когда она уже собиралась уходить домой, на экране высветилось: «Виктор Романович», сердце пропустило удар.

— Маргарита, добрый вечер, — его голос в трубке звучал глубже, чем она помнила, и от этого звука по спине пробежали мурашки. — Я знаю, что уже поздно, и вы, вероятно, устали. Но я взял на себя смелость заказать столик в «Ла Фениче». Говорят, там лучший вид на ночной город. Вы не составите мне компанию?

— Я... — она замялась, чувствуя, как внутри борются два чувства: осторожность и любопытство. Осторожность говорила: «Он отец твоего бывшего. Это странно. Это неправильно». А любопытство шептало: «Алан тебя выбросил. Алан тебя унизил. Почему ты должна думать о том, что правильно, а что нет?»

— Маргарита? — в его голосе послышалась лёгкая, едва уловимая улыбка.

— Заезжайте за мной через час, — выпалила она раньше, чем осторожность успела её остановить. — Я буду готова.

— Я в предвкушении, — ответил он и отключился.

Час пролетел как одно мгновение. Марго металась по своей гардеробной, перебирая платье одно за другим. Слишком откровенное? Нет, не то — с ним не нужно вульгарности, он не из тех мужчин, которые ведутся на голое тело. Слишком строгое? Тоже нет — она не на деловую встречу идёт. В итоге она выбрала платье цвета тёмного изумруда — с длинным рукавом, но с вырезом на спине, который открывал ровно столько, чтобы разжечь воображение, но не показать всё сразу. Волосы она уложила в мягкие волны, макияж сделала чуть ярче обычного. Из зеркала на неё смотрела женщина, которая знает себе цену. Женщина, которую Алан когда-то имел счастье потерять.

Виктор Романович ждал её в холле ресторана. При виде Марго он поднялся и на мгновение замер — и это мгновение, эта секундная пауза, в течение которой он просто смотрел на неё, сказала ей больше, чем любые комплименты.

— Маргарита, — он взял её за руку и поднёс к губам. — Я знал, что вы красивы. Но сегодня вы превзошли все мои ожидания.

— Вы слишком добры, — она улыбнулась, чувствуя, как от его прикосновения по коже разливается тепло.

— Я не добр, — он покачал головой. — Я честен. Это разные вещи.

Ресторан «Ла Фениче» и правда был великолепен. Они сидели у окна, за которым раскинулся ночной город — россыпь огней до самого горизонта, — и Виктор Романович рассказывал о своих путешествиях. Он объездил полмира: был в Африке, в Южной Америке, в Австра-

лии, но больше всего, по его словам, любил маленькие европейские городки, где можно сидеть в уличном кафе, пить местное вино и смотреть, как течёт жизнь.

— Я редко кому это говорю, — признался он, когда подали горячее. — Обычно люди хотят слышать о бизнесе, о деньгах, о том, как я всего добился. А мне скучно об этом говорить. Гораздо интереснее — о том, ради чего стоит жить.

— И ради чего же? — спросила Марго, делая глоток вина.

— Ради таких вечеров, — он посмотрел ей прямо в глаза. — Ради красивого вина и красивой женщины напротив. Ради тишины, которую не нужно заполнять пустыми словами. Я слишком поздно это понял, Маргарита. Слишком много времени потратил на то, что казалось важным, и слишком мало — на то, что было важным на самом деле.

— О чём вы жалеете? — спросила она тихо.

Он помолчал, глядя в окно, и в его профиле, подсвеченном огнями города, проступила какая-то новая, ранее скрытая горечь.

— О многом, — сказал он наконец. — О том, что не уберёт свою жену. Она умерла, когда Алан был ещё подростком, и я не смог быть рядом — был в какой-то очередной деловой поездке. О том, что... что когда-то очень давно я встретил женщину, которая, возможно, была любовью всей моей жизни, но я не сумел её удержать.

Марго замерла. Она знала эту историю. Знала, что у Виктора Романовича был роман на стороне, что от этого романа родился ребёнок. Но сейчас, слушая его, она впервые подумала: а что, если он действительно любил? Что, если это не было просто интрижкой, и он сам страдал не меньше той женщины?

— Вы так и не пытались её найти? — спросила она осторожно.

— Она не хочет меня видеть, — он покачал головой. — И я её понимаю. Я причинил ей слишком много боли. Иногда, Маргарита, мы разрушаем то, что любим, просто потому, что не умеем иначе. А потом живём с этим всю оставшуюся жизнь.

В его словах было столько тихой, сдержанной печали, что Марго вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Она столько лет винила во всех своих бедах мужчин: Алана, который её использовал и выбросил, других, которые были до него. Но сейчас, глядя на этого седого, всё ещё красивого мужчину, который признавался в своих ошибках без попытки оправдаться, она впервые подумала: а что, если и она в чём-то виновата? Что, если её привычка цепляться, требовать, устраивать сцены — это не страсть, а страх? Страх остаться одной, никому не нужной?

— Вы грустили, — заметил Виктор Романович, накрывая её ладонь своей. Его прикосновение было сухим и тёплым, как тогда, в первый день. — Я не хотел. Простите старика за мрачные мысли.

— Вы не старик, — улыбнулась она. — И вам не за что просить прощения. Мне... мне просто непривычно. Никто никогда не говорил со мной так откровенно.

— Значит, вам попадались не те мужчины, — он улыбнулся в ответ, и в его серых глазах, таких похожих на глаза Алана, заплескали искорки. — Маргарита, я хочу быть с вами честным до конца. Вы мне нравитесь. Очень. И я знаю, что вы были с моим сыном.

Она вздрогнула, но он мягко сжал её руку, не давая отдёргнуть.

— Не пугайтесь. Я не осуждаю вас и не осуждаю его. Жизнь сложна, и отношения — самая сложная её часть. Но я хочу, чтобы вы знали: если вы согласитесь дать мне шанс, я не буду думать о прошлом. Для меня вы — это вы. Здесь и сейчас. Этого достаточно.

Марго смотрела на него и чувствовала, как к глазам подступают слёзы. Не от обиды. Не от злости. От чего-то другого — от чувства, которое она почти забыла. От ощущения, что её видят. По-настоящему видят — не как функцию, не как красивую картинку, не как временное развлечение, а как женщину, у которой есть душа.

— Я согласна, — прошептала она. — Дать вам шанс.

Он поднёс её руку к губам и поцеловал — на этот раз не в тыльную сторону ладони, а в запястье, туда, где под тонкой кожей бился пульс. Марго замерла, чувствуя, как от этого поцелуя по всему телу разливается предательский жар.

— Тогда позвольте мне пригласить вас на танец, — сказал он, кивая в сторону небольшой танцевальной площадки, где уже кружились несколько пар. — Я, может быть, не так хорош в танцах, как в бизнесе, но обещаю не отдавить вам ноги.

Они танцевали под медленную, тягучую мелодию, и его рука лежала на её талии уверенно и бережно. Марго чувствовала тепло его тела сквозь ткань пиджака, слышала его дыхание у своего виска, и мир за пределами танцпола переставал существовать. Не было ни Алана, ни обиды, ни страха. Были только эти серые глаза, этот низкий голос и это странное, пьянящее чувство, что жизнь может начаться заново в любой момент.

После ресторана он провожал её до машины. Они стояли у открытой дверцы, и Марго вдруг поймала себя на мысли, что не хочет уходить. Что хочет, чтобы этот вечер длился вечно.

— Я позвоню вам завтра, — сказал Виктор Романович, заглядывая ей в глаза. — Если вы не против.

— Звоните, — ответила она и, поколебавшись секунду, подалась вперёд и поцеловала его в щёку. — Спасибо за этот вечер.

Он улыбнулся — той самой мальчишеской улыбкой, которая так поразила её в первый день, — и помог ей сесть. Когда машина тронулась, Марго оглянулась. Виктор Романович стоял на тротуаре, засунув руки в карманы, и смотрел ей вслед. В свете фонарей его серебристые виски отливали серебром.

Она прижала ладонь к груди, туда, где всё ещё быстро билось сердце, и впервые за долгое, очень долгое время улыбнулась не потому, что надо, а потому, что хотелось.

Глава 4

А тем временем в клубе «Грация» Матвей, сам того не зная, оказался втянут в совсем другую историю. В этот самый вечер, когда Марго танцевала с Виктором Романовичем, а Элла засыпала в шале в объятиях Алана, Матвей задержался в конюшне допоздна.

— Ну что ты, девочка, что ты? У нас тепло, сено и яблоки есть для тебя. Всё хорошо.

И тут в конюшню вошла молодая женщина. На вид — чуть за тридцать, в простой одежде. В руках она держала поводок, на котором сидела маленькая, дрожащая такса с перепуганными глазами.

— Простите, — сказала женщина, оглядываясь по сторонам. — Я знаю, что уже поздно, но мне сказали, что здесь можно найти ветеринара. Моя собака... ей плохо.

Матвей оглянулся. В такое время в клубе не было никого, кроме него.

— Ветеринар уже ушёл, — сказал он мягко. — Но я могу попробовать помочь. Что случилось?

— Она съела что-то на улице и теперь скулит, — женщина чуть не плакала. — Я боюсь, что это отравка. В нашем районе кто-то разбрасывает...

— Дайте-ка, — Матвей осторожно взял собаку на руки. Такса, дрожа, прижалась к его груди, и он почувствовал, как быстро колотится её маленькое сердце. — Я не врач, но я знаю одну женщину, которая может помочь. Я ей прямо сейчас позвоню.

Он достал телефон и набрал Эллу.

Гудок. Второй. Третий.

— Абонент временно недоступен, — сообщил механический голос.

Матвей нахмурился. Элла обычно всегда отвечала. Он набрал ещё раз — тот же результат.

— Странно, — пробормотал он, не зная, что в этот самый момент телефон Эллы лежал на тумбочке в шале, выключенный за ненадобностью, а сама она спала в объятиях Алана.

— Что же делать? — женщина смотрела на него с надеждой.

— Я знаю круглосуточную ветклинику в городе, — решительно сказал Матвей, возвращая ей таксу. — Записывайте адрес. Поезжайте туда, скажете, что от Матвея из «Грации». Там работают хорошие ребята, они помогут.

Женщина рассыпалась в благодарностях и ушла, а Матвей остался стоять в опустевшей конюшне, глядя на экран телефона. Что-то неприятно кольнуло в груди. Не ревность — он не имел на неё права, они не были парой. Но... тревога. Предчувствие.

— Где же ты, хомячий доктор? — пробормотал он, убирая телефон в карман. — И что с тобой происходит?

—

Августовское утро в клубе «Грация» выдалось тёплым и ясным. Солнце только-только поднялось над кронами старых лип, окаймлявших территорию, и его лучи, ещё не жаркие, а ласковые, золотили манеж и конюшни. В воздухе пахло свежескошенной травой, разогретой за день землёй и лошаадьми — тем особым, ни с чем не сравнимым запахом, который Марго любила с детства.

Она стояла у входа в конюшню, в бежевых бриджах и лёгкой белой блузке с закатанными до локтя рукавами, и ждала. Сердце билось чаще обычного — она сама не ожидала от себя такого волнения. Марго, которая привыкла к мужскому вниманию как к чему-то само собой разумеющемуся, Марго, которая никогда не теряла самообладания, сейчас чувствовала себя почти девчонкой перед первым свиданием.

Чёрный автомобиль Виктора Романовича показался на подъездной дорожке ровно в десять, как они и договаривались. Он вышел из машины, и Марго отметила, что выглядит он сегодня иначе. Не в деловом костюме, как в прошлые разы, а в светлых бриджах для верховой езды и в простой, но дорогой рубашке-поло. Одежда сидела на нём идеально, подчёркивая подтянутую, сухощавую фигуру — было видно, что спорт в его жизни присутствует регулярно. На серебристых висках блестели капельки утренней росы — или он специально заехал освежиться перед встречей?

— Маргарита, — он улыбнулся той самой мальчишеской улыбкой, которая с каждым разом нравилась ей всё больше. — Вы сегодня ещё прекраснее, чем обычно. Верховая езда вам к лицу.

— Вы ещё не видели меня в седле, — она улыбнулась в ответ. — Может, я там совсем не прекрасна, а ужасна.

— Почему-то я в этом сомневаюсь.

В конюшне их уже ждали две осёдланные лошади: Марго выбрала для себя свою любимицу — гнедую кобылу по имени Искра, с кротким нравом и мягким шагом, а для Виктора Романовича — рослого серого мерина по кличке Граф. Граф был конём с характером: спокойным, но требующим к себе уважения. Марго специально выбрала его — ей хотелось посмотреть, как Виктор справится. Мужчина всегда раскрывается в общении с лошадью: либо он уважает чужую силу, либо пытается её подчинить.

Виктор подошёл к Графу не спеша. Сначала дал коню обнюхать свою ладонь, потом осторожно, но уверенно взял поводья, что-то тихо сказал — Марго не расслышала, что именно, — и конь, поколебавшись мгновение, доверчиво ткнулся мордой в его плечо.

— У вас дар, — заметила Марго, наблюдая за этой сценой. — Обычно Граф не так быстро принимает новых людей.

— Я просто люблю лошадей, — пожал плечами Виктор. — И стараюсь не забывать, что они чувствуют людей гораздо лучше, чем люди чувствуют друг друга.

Они выехали за территорию клуба. Марго показывала дорогу: она знала эти места как свои пять пальцев, каждую тропинку, каждый изгиб лесной дороги. Сначала они ехали шагом, бок о бок, и говорили — обо всём и ни о чём. О лошадях, о путешествиях, о книгах. Оказалось, Виктор читал тех же авторов, что и она: любил Ремарка, зачитывался Цвейгом, а в молодости, по его собственному признанию, «проглотил всего Джека Лондона и заболел Севером на всю жизнь, хотя на Север так и не съездил».

Марго слушала и чувствовала, как с каждой минутой уходит напряжение, которое она сама себе придумала. С ним было легко. Не нужно было играть роль — холодной красавицы, язвительной стервы, недоступной королевы. Можно было просто быть собой. Смеяться, когда смешно. Молчать, когда хочется помолчать. И это молчание не было неловким — оно было тёплым, как августовское утро.

— Знаете, чего мне не хватало все эти годы? — спросил вдруг Виктор, когда они выехали на открытый луг и перешли на лёгкий галоп.

— Чего? — Марго повернулась к нему, и ветер бросил ей в лицо прядь волос.

— Вот этого, — он обвёл рукой пространство вокруг: луг, лес, небо, солнце. — Простоты. Обычной человеческой простоты. Бизнес, переговоры, миллионы — это всё приедается. А вот это — никогда.

Он вдруг пришпорил Графа и пустил его в галоп. Настоящий, быстрый, с ветром в ушах и с дробным перестуком копыт по мягкой земле. Марго на мгновение замерла, а потом, сама не ожидая от себя такого, пришпорила Искру и помчалась за ним.

Они скакали наперегонки, как дети, забыв о возрасте, о статусе, о прошлом, которое у каждого из них было своё и непростое. Виктор сидел в седле великолепно — сразу было видно

многолетнюю выучку, — и сейчас, в этом стремительном движении, он не выглядел на свои шестьдесят. Он выглядел как мужчина в расцвете сил, живой, сильный, полный азарта.

Он обернулся на скаку, увидел её — раскрасневшуюся, с выбившимися из причёски волосами, с горящими глазами — и расхохотался. Чисто, заразительно, от души.

— Маргарита! — крикнул он сквозь ветер. — Да вы просто амазонка!

— А вы мне не верили! — крикнула она в ответ, смеясь.

Они остановились у небольшого ручья, который журчал в тени старых ив. Спешились, дали лошадям напиться. Виктор подошёл к Марго, всё ещё тяжело дыша после скачки, и вдруг взял её за руку — просто, без всяких предисловий.

— Знаете, что я сейчас чувствую? — спросил он, глядя ей в глаза. Его серые глаза, такие похожие на глаза Алана и в то же время совсем другие — более тёплые, более живые, — светились каким-то юношеским восторгом.

— Что? — спросила она, чувствуя, как от его прикосновения по руке бегут мурашки.

— Себя. Настоящего. Я не чувствовал этого... наверное, лет двадцать. А может, и больше. Я привык быть боссом. Отцом. Вдовцом. Миллионером. Я отвык быть просто мужчиной, которому нравится женщина.

Он шагнул ближе. Теперь они стояли совсем рядом, и Марго чувствовала запах его парфюма — дорогого, но не навязчивого, — смешанный с запахом разгорячённой скачкой кожи и летнего ветра.

— Я много думал эти дни, — продолжал он, не отпуская её руки. — О том, что жизнь — она одна. И что я провёл слишком много времени, убеждая себя, что мне уже поздно, что мой поезд ушёл, что нужно просто доживать. А потом появились вы — и я понял, что никакой поезд никуда не ушёл. Что он всё ещё стоит на перроне. И что если я сейчас не запрыгну в последний вагон, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

— Виктор... — начала она, но он приложил палец к её губам.

— Подождите. Дайте мне договорить. Я знаю, что я старше вас. Знаю, что всё это — непросто, странно, возможно, даже неприлично с точки зрения общества. Но мне всё равно. Я не хочу ждать. Я не хочу думать о том, «что люди скажут». Я хочу быть с вами, Маргарита. И если вы дадите мне этот шанс — я клянусь, вы не пожалеете.

Она смотрела на него, и в груди что-то сжималось и разжималось, сжималось и разжималось — в такт ударам сердца, которые она слышала так отчётливо, словно они звучали на весь лес. Она думала об Алане — о том, как он смотрел сквозь неё, как выставил из «Империя», как ни разу не позвонил после. Она думала о том, как годами пыталась заслужить его любовь, не понимая, что любовь не заслуживают — её просто дарят.

И вот сейчас перед ней стоял его отец — и дарил. Без условий, без оговорок, без холодной расчётливости.

Она не ответила словами. Вместо этого она подалась вперёд и поцеловала его.

Это был страстный поцелуй. Его губы были сухими и тёплыми, и он ответил мгновенно — обнял её за талию, притянул к себе, зарылся одной рукой в её волосы. Он целовал её так, словно боялся, что она исчезнет, растворится в утреннем свете, окажется сном.

Когда они наконец отстранились друг от друга, оба дышали неровно. Виктор прижался к Марго и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Спасибо. За то, что вы есть. За то, что вы здесь. За то, что вы... вы.

— Это вам спасибо, — ответила она, и голос её дрогнул. — За то, что напомнили мне, каково это — чувствовать себя живой.

Они стояли у ручья, держась за руки, и лошади мирно паслись рядом, и солнце поднималось всё выше, заливая луг золотом. Где-то далеко, в городе, Алан, наверное, уже вернулся из шале и просматривал деловые бумаги, не подозревая, что его отец и его бывшая любовница только что поцеловались под старой ивой. Матвей, наверное, чистил Грозу и думал о

том, почему Элла не отвечает на звонки. Элла, наверное, проснулась в собственной постели и смотрела в потолок, пытаясь разобраться в себе.

Но здесь, у ручья, в это августовское утро, все эти сложности казались далёкими и неважными. Были только двое: мужчина, который заново учился быть живым, и женщина, которая заново училась быть любимой.

—
Марго и Виктор возвращались в клуб не спеша, шагом, позволив лошадям самим выбирать дорогу. Она чувствовала себя странно: внутри боролись два ощущения. С одной стороны — эйфория, лёгкость, чувство, что жизнь наконец-то поворачивается к ней светлой стороной. С другой — лёгкая, едва уловимая тревога. О чём она не рассказала ему? О том, как сильно она ненавидела его сына все эти недели. О том, как устроила публичный скандал в «Империале». О том, как желала зла той самой Элле, которая, возможно, сейчас летит в пропасть по вине Алана — так же, как летела она сама когда-то.

— О чём вы задумались? — спросил Виктор, заметив её молчание.

— О том, что жизнь иногда делает странные повороты, — уклончиво ответила она. — И что никогда не знаешь, где найдёшь то, что искал.

— Это точно, — он кивнул. — Я, например, искал покоя, а нашёл вас. И никакого покоя теперь, конечно, не будет, — он усмехнулся. — Но я, кажется, не против.

Она рассмеялась и легонько ударила его по руке.

— Вы невозможны.

— Знаю, — он поймал её ладонь и поднёс к губам. — Поэтому я вам и нравлюсь.

Когда они подъехали к воротам клуба, Марго вдруг заметила знакомый чёрный автомобиль, припаркованный у административного здания. Сердце пропустило удар. Алан. Он вернулся.

Виктор тоже заметил машину сына.

—
Прошла неделя с тех пор, как Элла вернулась из шале. Неделя, в течение которой она старательно избегала и звонков, и встреч, и даже собственных мыслей. Она ходила на работу, лечила хомячков, кошек и собак, улыбалась клиентам заученной улыбкой, а по вечерам падала на кровать и лежала, глядя в потолок, не в силах ни читать, ни смотреть телевизор, ни даже думать.

Алан звонил каждый вечер. Его голос был тёплым, ласковым, в нём появились новые, интимные нотки — те, что бывают только между людьми, которые стали близки по-настоящему. Он спрашивал, как прошёл её день, рассказывал о своём, строил планы на будущее: «Я хочу показать тебе Венецию осенью», «Давай съездим в горы ещё раз», «Я думаю о тебе постоянно, Элла, это даже мешает работать». Она слушала, улыбалась, отвечала что-то неопределённое — и клала трубку с чувством, которое не могла себе объяснить.

Это должно было быть счастьем. Должно было. Тот самый Алан, о котором мечтали десятки женщин, — успешный, красивый, щедрый, — был у её ног. После той ночи в шале он стал только внимательнее. Цветы по-прежнему присылал каждое утро, теперь к букетам прилагались уже не короткие записки, а длинные, на полстраницы, написанные от руки. Она читала их — и чувствовала, как внутри что-то переворачивается от нежности.

Но вместе с нежностью приходило и другое чувство. Тревога. Сомнение. Вопрос, который она боялась себе задать: а что дальше? Она переспала с ним. Она позволила себе поверить

ему. Но означает ли это, что она его любит? Или это была просто магия момента — камин, снег за окном, его слова, от которых таяло сердце?

А Матвей...

Матвей перестал писать на четвёртый день после её возвращения. Просто перестал — и всё. Его имя больше не высвечивалось на экране телефона, не приносило с собой тёплых, смешливых сообщений о Грозе, о пирожках, о ромашках. Элла заметила это не сразу — а когда заметила, внутри что-то неприятно сжалось. Она привыкла к его присутствию в своей жизни, даже если сама себе в этом не признавалась. Привыкла к тому, что он есть где-то рядом — надёжный, живой, настоящий. И его молчание вдруг оказалось громче любых слов.

Она сама не понимала, чего хочет. Мысли путались, наслаивались одна на другую, превращаясь в сплошной, изматывающий гул. С одной стороны — Алан, который обещал ей целый мир. С другой — Матвей, который не обещал ничего, кроме себя. С одной — шале, платья, рестораны, бриллианты. С другой — озеро, ромашки, булочки с корицей и смех.

Она не могла выбрать. И от этого бездействия, от этой неспособности принять решение становилось только хуже.

—

А Матвей тем временем не бездействовал. Он ждал — ровно до того момента, пока ждать не надоело.

Неделя — это много или мало? Для мужчины, который привык действовать, а не вздыхать, — более чем достаточно. Он дал ей время. Он не давил. Он понимал, что ей нужно разобраться в себе. Но неделя молчания — это уже не разбирательство. Это издевательство.

Он не знал, что произошло в шале. Знал только, что Элла ездила туда с Аланом, — эта новость облетела клуб за пару дней. И когда он это услышал, внутри у него что-то оборвалось. Но он заставил себя не делать поспешных выводов. Он дал ей шанс объясниться. Он ждал, что она сама придёт и скажет: «Матвей, я выбрала его» или «Матвей, я ошиблась». Что угодно — лишь бы честно, лишь бы в лицо.

Но она молчала.

И в пятницу вечером, после долгого дня в конюшне, Матвей принял решение. Хватит. Он не мальчик, чтобы бегать за женщиной, которая не знает, чего хочет. Элла не первая, и Элла не последняя. Если она не может сказать «да» или «нет» — он скажет сам. Он хотел ясности. Хотел расставить все точки над *i* и двигаться дальше, с ней или без неё.

Он приехал к её дому без предупреждения. Просто набрал код домофона — тот самый, который она дала ему когда-то, в другой, более простой жизни, — и поднялся на пятый этаж. Постучал. Громко, уверенно, три раза.

Элла открыла не сразу. Сначала — тишина, потом осторожные шаги, потом пауза: она, видимо, смотрела в глазок. А потом дверь распахнулась, и она замерла на пороге — в домашних шортах и старой футболке с каким-то смешным принтом, с растрёпанными волосами, без косметики, с огромными, испуганными глазами.

— Матвей... — выдохнула она, и в этом выдохе было всё: удивление, растерянность, чувство вины и что-то ещё — какая-то затаённая радость, которую она сама, кажется, не ожидала испытать.

— Привет, хомячий доктор, — сказал он, но в его голосе не было привычной улыбки. Он был серьёзен, как никогда. — Можно войти? Или ты меня теперь даже на порог не пускаешь?

— Заходи, — она посторонилась, пропуская его в квартиру, и вдруг остро осознала, как давно его здесь не было. Как давно она не слышала его голос вживую, не чувствовала запах сена и чего-то древесного, что всегда шлейфом тянулся за ним.

Матвей прошёл на кухню — не потому, что хотел чаю, а потому, что не привык сидеть в гостиной как гость. Он по-хозяйски опёрся на столешницу, скрестил руки на груди и посмотрел на Эллу долгим, пристальным взглядом.

— Я слушаю, — сказал он ровно.

— Что слушаешь? — она растерялась.

— Твою версию. Я ждал неделю, Элла. Неделю — ни звонка, ни сообщения. Ты исчезла. И я хочу знать: ты исчезла, потому что тебе нужно было время, или потому что ты сделала выбор и просто не знала, как мне об этом сказать?

— Матвей, я... — она запнулась, чувствуя, как краска заливает щёки. — Я не знаю.

— Не знаешь чего? — его голос стал жёстче. — Не знаешь, как сказать, или не знаешь, кого выбрать?

— И того, и другого, — честно ответила она, опуская глаза. — Всё очень сложно.

— Сложно? — он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Хорошо, давай разложим по полочкам. Я простой парень, Элла. Я работаю конюхом, живу в съёмной квартире и пеку пирожки по выходным. У меня нет миллионов. Нет шале в горах. Нет личного водителя. Но у меня есть чувства — настоящие, живые, которые я не разбрасываю направо и налево.

Она молчала, и он продолжил:

— Я не знаю, что произошло между тобой и Аланом в выходные. И, честно говоря, знать не хочу. Это твоё личное дело. Но я хочу знать другое: я тебе нужен или нет? Только не говори «я не знаю». Скажи что-то определённое. Я устал гадать.

Элла подняла глаза и встретила с его взглядом. В зелёных глазах Матвея, которые она привыкла видеть смеющимися, сейчас была сталь. И боль. Тщательно скрываемая, загнанная глубоко внутрь, но боль. И от этого ей стало невыносимо стыдно.

— Ты мне нужен, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Но и он тоже. Понимаешь? Я сама не понимаю, что со мной. Я запуталась, Матвей.

— Запуталась, — повторил он, глядя куда-то поверх её плеча. — Хорошо. Я помогу тебе распутаться.

Он оттолкнулся от столешницы и шагнул к ней. Близко. Так близко, что она снова почувствовала этот запах — сено, дерево, тепло. Его ладонь легла на её щёку, заставив поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза.

— Элла, я скажу тебе то, что не говорил раньше, потому что думал, что у нас ещё полно времени. Я люблю тебя. Я понял это не вчера и не позавчера. Я понял это в тот самый первый день, когда ты влетела в мои руки у манежа и покраснела так, что даже уши стали малиновыми. Ты не просто красивая женщина, которая мне нравится. Ты — та женщина, с которой я хочу просыпаться по утрам. С которой хочу строить дом. Растить детей, если ты захочешь детей. Стареть вместе, если ты захочешь стареть.

Элла замерла, не в силах вымолвить ни слова. Слезы — неожиданные, горячие — подступили к глазам.

— Я не миллионер, — продолжал он. — Я не смогу подарить тебе бриллианты и шале. Но я смогу подарить тебе себя. Всего, без остатка. И если тебе этого мало — так и скажи. Я пойму. Я уйду и не буду тебя беспокоить. Но если тебе этого достаточно... тогда решайся.

Тишина в кухне стояла такая, что было слышно, как капает вода из крана — кап, кап, кап. Элла смотрела на него сквозь пелену слёз и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Вот он — настоящий. Живой. Тёплый. С руками, которые пахнут сеном, и сердцем, которое он только что выложил перед ней, как выкладывают на стол самую ценную вещь. А что она? Что она может ему дать? Неопределённость? Метания? Тайну о том, что она переспала с ...

— Я была с ним, — вырвалось у неё прежде, чем она успела подумать. — В шале. Мы... Это случилось. Я не могу от тебя это скрывать. Будет нечестно.

Она ожидала чего угодно. Гнева. Холода. Презрения. Но Матвей вдруг выдохнул — долго, тяжело, словно сбрасывая с плеч невидимый груз, — и опустил голову.

— Я знал, — сказал он глухо.

— Знал? — она опешила.

— Догадывался, — он поднял глаза, и в них было всё: боль, разочарование, но и что-то ещё — какая-то странная, горькая нежность. — Ты не умеешь врать, Элла. У тебя всё на лице написано. Когда ты вернулась и не отвечала на звонки, я понял. Я надеялся, что ошибаюсь. Но... не ошибся.

— И ты всё равно?.. — она не договорила.

— И я всё равно здесь, — он взял её за плечи, крепко, но бережно. — Потому что я люблю тебя. Не за то, что ты идеальная. А за то, что ты — это ты. И я готов ждать, пока ты разберёшься в себе. Но не вечно, Элла. Я не могу ждать вечно. У меня тоже есть гордость. Просто... прими решение. Когда будешь готова. А пока ты думаешь — я буду работать, чистить Грозу и печь пирожки. И постараюсь не лезть в твою жизнь без приглашения.

Он отпустил её плечи и направился к двери. Уже взялся за ручку, когда она окликнула его:

— Матвей!

Он обернулся.

— Спасибо тебе, — сказала она, глотая слёзы. — За то, что ты есть.

— И тебе спасибо, — он грустно улыбнулся. — За то, что ты честная. Хоть в этом.

Дверь закрылась. Элла опустилась на пол прямо в прихожей, обхватила колени руками и разрыдалась — впервые за всю эту историю. Она плакала не от горя. Она плакала от стыда, от растерянности, от чудовищной несправедливости, которую сама же и создала. Два прекрасных мужчины. Оба — достойные, каждый по-своему. Оба хотят быть с ней. А она не может выбрать — и мучает их обоих, и мучается сама.

Телефон на тумбочке зажужжал. Сообщение. От Алана.

«Элла, добрый вечер. Сегодня был долгий день, но мысли о тебе помогли его пережить. Я хочу видеть тебя завтра. У меня есть сюрприз. Надеюсь, тебе понравится. Спокойной ночи, моя дорогая»

Она прочитала сообщение и отложила телефон. «Моя дорогая». Он стал так её называть после шале. Раньше говорил «Элла», «Вы», а теперь — «моя дорогая». И от этого «моя» внутри всё сжималось, потому что она не знала, хочет ли быть чьей-то. Хочет ли, чтобы её называли «моя» — Алан, Матвей, кто угодно. Может быть, она вообще не создана для отношений? Может быть, ей нужно побыть одной — подальше и от шале, и от конюшен, и от мужчин, которые хотят, чтобы она выбрала?

Глава 5

А в это же время в ресторане «Ла Фениче» — том самом, где Марго и Виктор Романович ужинали пару недель назад, — происходил совсем другой разговор.

Марго и Виктор сидели за тем же столиком у окна. После конной прогулки, после поцелуя у ручья они стали видеться почти каждый день. И с каждым днём Марго всё больше убеждалась, что не ошиблась. Виктор был внимателен, умён, заботлив — и при этом не душил её своей заботой. Он давал ей пространство, но всегда был рядом, когда она хотела его видеть. С ним она чувствовала себя не просто желанной — она чувствовала себя ценной.

Они говорили о пустяках — о погоде, о лошадях, о новом фильме, который оба хотели посмотреть, — когда подали десерт. Виктор вдруг замолчал на полуслове и посмотрел на Марго каким-то новым, незнакомым ей взглядом. В его серых глазах было волнение — тщательно скрываемое, но всё же заметное.

— Маргарита, — произнёс он, и его голос прозвучал глубже обычного. — Я хочу на тебе жениться.

— Что? — Марго замерла с ложечкой тирамису в руке. Ей показалось, что она ослышалась. — Что ты сказал?

— Я хочу на тебе жениться, — повторил он, не отводя глаз. — Я знаю, что мы знакомы не так давно. Знаю, что это может показаться безумством. Я старше тебя, у меня за плечами целая жизнь, полная ошибок, потерь и сожалений. Но именно поэтому я не хочу ждать. Я слишком хорошо знаю, как быстро всё может закончиться. Как можно не успеть сказать то, что должен был сказать. Сделать то, что должен был сделать.

Марго молчала, не в силах вымолвить ни слова. В висках стучало.

— Я обещаю тебе спокойную жизнь со мной, — продолжал он. — Хоть со мной непросто. У меня сложный характер, сложная семья, сложное прошлое. Но я обещаю тебе одно: я никогда не заставлю тебя чувствовать себя ненужной. Никогда не заставлю тебя жалеть о том, что ты выбрала меня. Я слишком ценю то, что между нами, чтобы это потерять.

Он полез в карман пиджака и достал маленькую бархатную коробочку. Открыл. Внутри, на тёмном бархате, лежало кольцо — не кричаще-роскошное, а изящное, с крупным сапфиром в окружении мелких бриллиантов, явно старинной работы.

— Это кольцо моей бабушки, — сказал Виктор тихо. — Она была удивительной женщиной. Сильной, мудрой, любящей. Когда-то она сказала мне: «Виктор, никогда не бойся любить. Бойся не успеть». Я вспомнил эти слова, когда встретил тебя.

Марго смотрела на кольцо, на сапфир, который переливался в мягком свете ресторанных ламп, и чувствовала, как к горлу подступает комок. Она — Марго, которую Алан вышвырнул из своей жизни, как ненужную вещь, — сейчас сидела напротив мужчины, который хотел на ней жениться. Не переспать и забыть. Не использовать и выбросить. А жениться. По-настоящему. Навсегда.

И вдруг она поняла то, что не могла понять все эти годы, пока бегала за Аланом, пока пыталась заслужить его любовь, пока унижалась и устраивала скандалы. Любовь нельзя заслужить. Любовь — это когда тебя выбирают. Просто выбирают — без условий, без оговорок, без «ты должна похудеть», «ты должна быть удобной», «ты должна знать своё место». Выбирают — и всё.

Виктор выбрал её.

— Да, — сказала она, и голос её дрогнул. — Да, я согласна.

Виктор выдохнул — шумно, с облегчением, словно сбросил с плеч невидимую тяжесть, — и надел кольцо ей на палец. Оно село идеально, будто всегда ждало именно её. А потом он

взял её лицо в ладони и поцеловал — нежно, трепетно, как целуют самую большую драгоценность, которая только может быть в жизни.

— Ты даже не представляешь, как я счастлив, — прошептал он, отстранившись.

— Представляю, — она улыбнулась сквозь слёзы. — Потому что я счастлива не меньше.

Они ещё долго сидели в ресторане, не замечая ни времени, ни официантов, ни других посетителей.

Вышли из ресторана, держась за руки. Тёплый летний ветер трепал волосы Марго, где-то вдалеке играла уличная музыка, и она вдруг подумала, что жизнь и правда может измениться в любой момент. Нужно только позволить ей это сделать. Нужно только перестать бояться.

—

На следующий день после разговора с Матвеем Элла проснулась с тяжёлой головой и красными от слёз глазами. Она долго лежала в постели, глядя в потолок и прокручивая в голове вчерашний разговор. Его слова звучали в ушах снова и снова: «Я люблю тебя... Ты — та женщина, с которой я хочу просыпаться по утрам... Если тебе этого мало — так и скажи». И её собственное признание — вырвавшееся, неожиданное для неё самой: «Я была с ним».

Он не ушёл. Не хлопнул дверью. Не обвинил. Он просто сказал: «Я знал» — и остался. Даже зная правду, даже после её молчания, даже после того, как она, по сути, предала его доверие, — он всё равно её любил. От этого было и легче, и тяжелее одновременно.

Она заставила себя встать, умыться, выпить кофе. Посмотрела на букет орхидей на подоконнике — уже третий за эту неделю, Алан не изменял своей традиции. В этот раз к цветам прилагалась записка: «*Сегодня в 19:00. Жду тебя по адресу внизу. Это сюрприз. Ни о чём не спрашивай — просто приезжай. А.*»

Адрес внизу был незнакомым — какой-то переулок в старом городе, который она смутно помнила по карте. Что он задумал? Ресторан? Театр? Ещё одно шале? После той ночи в горах она уже ничему не удивлялась — Алан умел делать сюрпризы.

Она поймала себя на том, что ждёт вечера. С тем самым трепетом, с каким ждут чего-то особенного. И от этого трепета становилось немного стыдно — как будто она предавала Матвея одной только мыслью о том, что хочет видеть Алана. Но она ничего не могла с собой поделать. Тот, другой мужчина — холодный аристократ с серыми глазами, — тоже занял своё место в её сердце. И выгнать его оттуда было бы ложью.

Ровно в семь вечера такси, вызванное Аланом, остановилось у старинного особняка в тихом переулке. Элла вышла из машины и замерла. Особняк был прекрасен: старинная кладка, увитая плющом, стрельчатые окна с витражами, кованые фонари у входа. Вывеска над дверью гласила: «Галерея Раевского».

Галерея? Он пригласил её в галерею?

Тяжёлая дубовая дверь отворилась, и на пороге появился Алан. Сегодня он был одет не в строгий костюм, как обычно, а в светлые брюки и тонкий кашемировый свитер — неформально, но всё с тем же безупречным вкусом. Его серые глаза при виде Эллы потептели, и он улыбнулся — открыто, радостно, почти по-мальчишески.

— Ты пришла, — сказал он, беря её за руку. — Я боялся, что ты откажешься.

— Почему я должна была отказаться? — спросила она, улыбаясь в ответ.

— Потому что я тебя знаю, — он чуть наклонил голову. — Ты всё ещё сомневаешься. Я чувствую это. Но сегодня я хочу, чтобы ты просто отдохнула. Просто получила удовольствие. Без вопросов, без обязательств, без будущего. Только здесь и сейчас.

Он провёл её внутрь. Галерея оказалась частной — принадлежащей самому Алану, как он пояснил мимоходом. Небольшие залы с приглушённым светом, стены, затянутые тёмным шёлком, и картины. Десятки картин. Элла шла от одной к другой, заворожённая. Здесь были

полотна старых мастеров — небольшие, камерные, явно из частных коллекций, — и современные художники, чьих имён она не знала, но чьи работы заставляли останавливаться и вглядываться.

— Это моё убежище, — сказал Алан, идя рядом с ней. — Я купил этот особняк пять лет назад, отреставрировал и сделал галерею. Здесь я бываю, когда хочется тишины. Когда устаю от бизнеса, от людей, от самого себя.

— Здесь потрясающе, — выдохнула Элла, останавливаясь перед большим полотном — горный пейзаж, написанный густыми, сочными мазками. — Я и не знала, что ты коллекционируешь искусство.

— Я много чего коллекционирую, — усмехнулся он. — Но искусство — это особенная страсть. Оно не стареет. Не предаёт. Не требует ничего взамен. Оно просто есть — и дарит красоту тем, кто готов её увидеть.

Они прошли в последний зал, и Элла ахнула. Весь зал был посвящён одной теме — лошадям. Картины, гравюры, акварели, даже старинные фотографии в резных рамках. Лошади на скаку, лошади в тумане, лошади в яблоках, грациозные арабские скакуны и мощные тяжеловозы. И в центре зала — большой портрет Адониса, написанный маслом. Чёрный жеребец стоял на фоне грозового неба, и его глаза — умные, живые, — казалось, смотрели прямо в душу.

— Это... это невероятно, — прошептала Элла. — Ты заказал портрет Адониса?

— Заказал, — кивнул Алан. — У одного очень талантливого художника. Но я привёл тебя сюда не ради Адониса.

Он подвёл её к небольшой картине в дальнем углу зала. На ней была изображена девушка. Не парадный портрет, а камерная зарисовка: девушка сидела на траве, обхватив колени руками, и смотрела куда-то вдаль. В её позе было что-то трогательное и незащищённое. Русые волосы, выбившиеся из косы, лёгкий сарафан, босые ноги.

Элла замерла. Девушка на картине была похожа на неё. Не точная копия, но... что-то неуловимое в повороте головы, в линии плеч, в этом взгляде — мечтательном и немного грустном.

— Это... — она обернулась к Алану.

— Это я попросил написать, — сказал он тихо. — По памяти. Такой я увидел тебя в тот первый день, когда ты стояла у манежа и смотрела на Адониса. Ты была так прекрасна в тот момент, что я не мог это забыть. И я попросил художника перенести этот образ на холст.

У Эллы перехватило дыхание. Он запомнил её такой — в простом сарафане, с растрёпанной косой, без косметики. Не в том роскошном платье, которое сам же ей прислал. Не в бриллиантах. А такой, какой она была на самом деле.

— Алан... — она не знала, что сказать. Слезы подступили к глазам.

— Я люблю тебя, Элла, — сказал он просто, без пафоса, без театральных пауз. Так, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Я понял это не сразу. Сначала мне просто было интересно. Потом — любопытно. Потом я понял, что хочу быть с тобой. А теперь я знаю точно: ты — та женщина, которую я искал всю жизнь.

Он шагнул к ней, взял её лицо в ладони. Его серые глаза смотрели на неё с такой нежностью, с такой обнажённой, незащищённой любовью, что у неё защемило сердце.

— Я не идеален, — продолжал он. — Я холоден, расчётлив, иногда жесток. Со мной трудно. Но я обещаю тебе: я буду стараться. Ради тебя я готов стать лучше. Ради тебя я готов на всё.

И она растаяла. В очередной раз. Как мороженое в жаркий день, как снег на ладони. Все её сомнения, все её страхи, все мысли о Матвее — всё отступило куда-то на задний план. Сейчас, в этом зале, среди картин, под взглядом нарисованной девушки, которая была так похожа на неё саму, существовал только один мужчина. Тот, который заказал её портрет по

памяти. Тот, который говорил «я люблю тебя» так, словно это было самой естественной вещью на свете.

Она подалась вперёд и поцеловала его.

На этот раз в поцелуе не было сомнений. Не было вопроса «а правильно ли я делаю?». Было только желание — острое, жгучее, то самое, которое она подавляла в себе все эти дни. Алан ответил мгновенно, и его руки скользнули по её спине, притягивая ближе, теснее. Его губы были настойчивее, чем в прошлый раз, — в них чувствовался голод, который он больше не хотел скрывать.

— Здесь есть комната наверху, — прошептал он, отрываясь от её губ. — Моя личная. Если ты хочешь...

— Хочу, — выдохнула она, и это «хочу» прозвучало как ответ на все вопросы, которые она задавала себе последнюю неделю.

Они поднимались по винтовой лестнице, и Алан держал её за руку, словно боялся, что она исчезнет, растворится в полумраке галереи. Комната наверху оказалась небольшой, но уютной — с камином, с широкой тахтой, застеленной мягким пледом, с книжными полками до потолка и панорамным окном, выходящим в сад. В камине уже горел огонь — Алан, оказывается, всё продумал заранее.

Он не стал включать свет. Только пламя камина отбрасывало на стены танцующие тени, и в этом золотистом, живом свете лицо Алана казалось высеченным из мрамора — прекрасным и недоступным. Но глаза... Глаза выдавали его. В них был огонь. Настоящий, жаркий, тот самый, который она мельком видела в шале и который теперь полыхал в полную силу.

Он подошёл к ней медленно, как хищник, который знает, что добыча уже никуда не денется, но не хочет спешить — хочет продлить момент. Его пальцы легли на её плечи, скользнули вверх по шее, запутались в волосах. Он целовал её медленно, со вкусом, с расстановкой — сначала в губы, потом в уголок рта, потом в скулу, в висок, в то место за ухом, где бился пульс и где кожа была особенно чувствительной. Элла закрыла глаза, чувствуя, как по телу разливается тягучая, сладкая истома. Каждое его прикосновение отзывалось в ней горячей волной, которая прокатывалась от макушки до кончиков пальцев.

Он раздевал её не спеша. Не так, как в шале — с трепетом и почти благоговением, — а по-другому. Более уверенно. Более по-хозяйски. Он уже знал её тело, знал, где ей нравится, а где — особенно, и его пальцы находили эти места с безошибочной точностью. Блузка соскользнула с плеч, упала на пол. Юбка последовала за ней. Элла осталась в одном кружевном белье, и Алан отступил на шаг, чтобы полюбоваться ею.

— Ты самая красивая женщина из всех, кого я встречал, — сказал он хрипло. — И самая желанная.

Она хотела ответить что-то — но не успела. Он подхватил её на руки и опустил на тахту, на мягкий плед, который пах лавандой. Его губы прошлись по её шее, по ключицам, спустились ниже — к груди, к животу, к бёдрам, к йони. Он целовал каждый сантиметр её кожи, и там, где только что были его губы, оставался горячий, пульсирующий след. Элла выгибалась навстречу, вцеплялась пальцами в его плечи, в волосы, стонала — тихо, но всё более и более требовательно.

Она тоже хотела чувствовать его. Стащила с него свитер, провела ладонями по его груди, по спине. У Алана было красивое тело — поджарое, точёное, как у хищника, без единой лишней складки. Мышцы перекачивались под гладкой кожей, и на ощупь он был горячим — почти обжигающим. Она чувствовала, как часто бьётся его сердце, и от этого её собственное начало колотиться ещё быстрее.

Когда он наконец вошёл в неё, Элла на мгновение потеряла связь с реальностью. Всё исчезло: галерея, картины, камин, город за окном. Осталось только это — чувство наполненности, абсолютной, совершенной близости, когда два тела движутся в одном ритме, когда каж-

дое движение отзывается внутри волной наслаждения, которая нарастает, накатывает, затапливает. Алан двигался в ней глубоко и размеренно, и с каждым толчком Элла чувствовала, как внутри что-то скручивается в тугую, горячую пружину.

Он наклонился к её уху и прошептал:

— Я люблю тебя. Слышишь? Люблю. Ты — моя.

И от этих слов — или от его голоса, низкого и хриплого, — пружина внутри неё наконец разжалась. Элла вскрикнула, выгнулась дугой, и наслаждение накрыло её с головой — горячее, всепоглощающее, такое сильное, что на мгновение перед глазами вспыхнули искры. Алан, почувствовав, как она сжимается вокруг него, застонал и позволил себе отпустить контроль — и она ощутила его финал как самую интимную, самую доверительную часть этого акта. Как доказательство того, что он тоже уязвим. Также открыт. Также её.

Потом они долго лежали в тишине, нарушаемой только потрескиванием дров в камине. Элла устроилась в изгибе его плеча, положив голову ему на грудь, и слушала, как постепенно успокаивается его сердце. Его пальцы лениво перебирали её волосы, и в этом простом движении было столько нежности, что ей хотелось плакать.

— О чём ты думаешь? — спросил он, целуя её в макушку.

— О том, что ты меня балуешь, — она улыбнулась. — Галерея, картины, камин... Это всё слишком красиво, чтобы быть правдой.

— Это правда, — он чуть приподнялся на локте, заглядывая ей в лицо. — Я хочу, чтобы ты привыкала к красивой жизни. Потому что я хочу, чтобы ты была со мной. Не на одну ночь, не на месяц — навсегда.

— Навсегда — это долго, — прошептала она.

— Навсегда — это в самый раз, — ответил он серьёзно. — Кстати, о навсегда. В следующую субботу мой отец устраивает семейный ужин в «Гранд-отеле». Он хочет познакомить нас с кем-то. С кем — пока не говорит, это сюрприз. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Элла замерла. Семейный ужин. Знакомство с отцом. Это уже не просто свидания и букеты — это серьёзный шаг. Шаг, который говорил о том, что Алан действительно видит её частью своей жизни.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю. Это так неожиданно.

— Я не даю, — он снова поцеловал её в макушку. — Просто подумай. Ты уже знакома с моим миром — с клубом, с лошадьми, с ресторанами. Осталось познакомиться с моей семьёй. Точнее, с тем, что от неё осталось. С отцом...

— Хорошо, — сказала она, сама себе удивляясь. — Я пойду.

— Вот и славно, — он улыбнулся, и в его серых глазах заплясали тёплые искорки. — А теперь — спать. Завтра у меня важные переговоры, а у тебя — твои хомячки. Но перед сном...

Он снова склонился к ней, и его губы нашли её губы в мягком, долгом, обещающем поцелуе.

—

Элла вернулась домой далеко за полночь. Сняла одежду, смыла косметику, легла в постель и долго лежала, глядя в потолок. Внутри у неё была полная неразбериха.

Только что у неё был волшебный вечер с мужчиной, который говорил ей о любви, который заказал её портрет, который хотел познакомить её со своей семьёй. И она чувствовала... что? Счастье? Да, счастье. Нежность. Благодарность. И — да, она готова была признаться себе в этом — что-то очень похожее на любовь.

Но когда она закрывала глаза, перед ней вставало другое лицо. Зелёные глаза. Улыбка, от которой разбегались морщинки у глаз. Голос, говоривший: «Ты — та женщина, с которой я хочу просыпаться по утрам».

Матвей. Алан. Два имени. Двое мужчин. Два мира, в каждом из которых она могла бы быть счастлива. Но как выбрать? Как понять, кто из них — тот самый?

Она зарылась лицом в подушку и застонала от бессилия. Она запуталась так, как не запутывалась никогда в жизни. И субботний ужин, на котором она окажется за одним столом с семьёй Алана, станет для неё либо прояснением, либо окончательным крахом.

Она ещё не знала, что этот ужин перевернёт всё с ног на голову. Что за столом будут сидеть не только отец Алана и он сам, но и Марго — с кольцом на пальце. И что правда, которая откроется в тот вечер, навсегда изменит жизнь каждого из них.

Но это будет потом.

А пока она заснула — с мыслями о двух мужчинах, которые оба её любили и которых оба она не хотела терять.

—

После того вечера в галерее, после той ночи, наполненной шёпотом, стонами и откровениями, Элла сделала то, чего сама от себя не ожидала: она перестала мучить себя выбором. По крайней мере, попыталась. Она сказала себе: хватит метаться. Хватит изводить душу бесконечными «а что, если» и «а может быть». Алан — взрослый, красивый, успешный мужчина, который любит её, который хочет быть с ней, который познакомил её со своим миром и готов познакомить со своей семьёй. Он заказал её портрет. Он говорил о ней «та самая». Чего ещё желать? Матвей... Матвей — это прекрасная, светлая мечта, которая могла бы сбыться в другой жизни. Но в этой жизни она выбрала Алана. Или, по крайней мере, пыталась его выбрать.

Она убеждала себя в этом каждое утро, глядя в зеркало. Убеждала, когда отвечала на его сообщения — тёплые, ласковые, с неизменным «моя дорогая». Убеждала, когда ехала к нему на ужин или принимала его у себя. С ним было хорошо — спокойно, надёжно, красиво. Он был внимателен до мелочей: помнил, какой кофе она любит, какие цветы ей нравятся, какую музыку она слушает перед сном. Он не давил, не торопил, но каждый его жест говорил: «Ты моя, и я тебя никому не отдам».

И всё же... Иногда, проезжая мимо конюшен «Грации», она ловила себя на том, что замедляет шаг. Что ищет глазами знакомую фигуру в простой футболке и выцветших джинсах. Что сердце пропускает удар, когда она видит его — пусть даже издалека, пусть даже на секунду. Матвей не писал ей больше. Не звонил. Не искал встреч. Он обещал не лезть в её жизнь без приглашения — и держал слово, как держат его настоящие мужчины. Но от этого было только больнее. Потому что она знала: он всё ещё любит. Он всё ещё ждёт. И от этого ожидания в воздухе висело что-то невысказанное, неразрешённое, мучительное.

Элла гнала эти мысли прочь. Она сделала выбор. У неё есть Алан. И субботний семейный ужин — это шаг вперёд, в будущее, в котором нет места сомнениям. Алан прислал новое платье — тёмно-фиолетовое, строгое, но элегантное, — и приготовилась быть идеальной спутницей. Она ещё не знала, что этот ужин перевернёт всё с ног на голову. Что за столом будут сидеть не только отец Алана и он сам, но и Марго — с сапфировым кольцом на пальце.

Но это будет через несколько дней. А пока...

Глава 6

А пока в особняке Марго, в том самом доме, где она выросла и куда не приглашала никого уже много лет, происходил совсем другой разговор — не менее важный, не менее судьбоносный.

Марго готовилась к этой встрече тщательнее, чем к самому важному турниру по выездке. Она продумала всё до мелочей: меню (лёгкий ужин, ничего вычурного, чтобы не создавать впечатления, будто она хвастается), наряд (элегантное платье-футляр, которое она купила специально для этого вечера), причёску (строгий пучок, чтобы выглядеть солидно), даже вино выбрала сама — то самое, которое Виктор заказывал в «Ла Фениче» в их первый совместный ужин. Он тогда сказал, что это вино напоминает ему Тоскану, а Тоскана была его любимым местом на земле.

Виктор приехал за полчаса до назначенного времени. Вышел из своего чёрного автомобиля с букетом белых роз — для матери Марго, как он уточнил, — и с бутылкой коллекционного коньяка для её отца. Сама Марго получила поцелуй в висок и тихое: «Ты прекрасна, Маргарита. Всё пройдёт хорошо».

— Ты не знаешь моего отца, — нервно усмехнулась она. — Он может быть... сложным.

— Я знаю сотни сложных людей, — спокойно ответил Виктор. — И поверь, твой отец — не самый страшный из них. К тому же, — он чуть улыбнулся, — я тоже умею быть сложным.

Родители Марго жили в том же доме, где она выросла, — добротном, но скромном особняке на окраине города. Отец, Аркадий Семёнович, был из тех мужчин старой закалки, которые привыкли всего добиваться своим трудом: он начинал простым инженером на заводе, потом дорос до начальника цеха, потом до директора небольшого предприятия. Вышел на пенсию с чувством собственного достоинства и с убеждением, что мир вокруг катится в тартарары. Мать, Светлана Петровна, была женщиной мягкой, домашней, всю жизнь проработавшей учительницей музыки. Она обожала дочь, тихо вздыхала над её неудавшимися романами и мечтала только об одном — чтобы Марго наконец-то была счастлива.

Когда Марго и Виктор вошли в гостиную, где уже был накрыт стол на четверых, Аркадий Семёнович поднялся им навстречу. Это был кряжистый мужчина лет шестидесяти пяти, с седым ёжиком волос, с крупными, натруженными руками и с таким выражением лица, будто он заранее знал, что ничего хорошего от этого вечера не ждёт.

— Добрый вечер, Аркадий Семёнович, — Виктор шагнул вперёд и протянул руку для пожатия. — Рад наконец-то познакомиться лично. Маргарита много о вас рассказывала.

— Неужели? — хмыкнул отец Марго, пожимая руку с явной неохотой. — А вот о вас она рассказывала до обидного мало. Так, урывками. Видимо, стеснялась.

— Папа! — Марго вспыхнула.

— А что такого? — Аркадий Семёнович развёл руками. — Я, как отец, имею право знать, с кем встречается моя дочь. Особенно если этот «кто-то» почти мой ровесник.

Виктор и бровью не повёл.

— Понимаю ваше беспокойство, — сказал он ровно. — И, поверьте, я бы чувствовал то же самое на вашем месте. Но возраст — это всего лишь цифра. Гораздо важнее то, как мужчина относится к женщине и что он готов ей дать.

— И что же вы готовы дать моей дочери? — Аркадий Семёнович скрестил руки на груди.

— Аркаша, ну хватит! — вмешалась Светлана Петровна, появляясь из кухни с блюдом закусок. — Человек только с порога, а ты уже допрос устроил. Дайте хоть за стол сесть.

За столом поначалу царил напряжением. Аркадий Семёнович сверлил Виктора взглядом, Светлана Петровна щебетала о погоде и о том, как чудесно выглядит её дочь в последнее время, а Марго сидела как на иголках. Но Виктор, казалось, был абсолютно спокоен. Он поддержал

разговор о погоде, расспросил Светлану Петровну о её музыкальной карьере (оказалось, он немного разбирался в классической музыке и даже мог отличить Баха от Генделя), похвалил закуски, оценил коньяк, который, к слову, привёз сам.

Постепенно лёд начал таять. Светлана Петровна уже улыбалась Виктору и даже пару раз коснулась его руки, когда он особенно удачно пошутил. Марго смотрела на это с облегчением. Оставался только отец. И когда подали горячее, он наконец-то задал вопрос, который, видимо, вертелся у него на языке весь вечер:

— И насколько вы старше моей дочери?

— Папа! — Марго отложила вилку.

— Ничего, Маргарита, — Виктор положил ладонь на её руку, успокаивая. — Аркадий Семёнович имеет право знать. Мне шестьдесят. Вашей дочери — тридцать три. Разница — двадцать семь лет. Я понимаю, что это звучит пугающе. Но я хочу, чтобы вы знали: я люблю вашу дочь. И я просил её руки не потому, что мне нужна молодая жена для статуса, а потому, что я встретил женщину, с которой хочу прожить остаток жизни. С которой хочу просыпаться по утрам. С которой хочу делить и радости, и трудности.

Аркадий Семёнович молчал. Переваривал. Потом отодвинул тарелку и посмотрел на дочь.

— Марго, ты это серьёзно? — спросил он тихо. — Ты выходишь замуж за человека, который годится тебе в отцы?

— Да, папа, — она посмотрела ему прямо в глаза. — Я выхожу замуж за человека, который видит во мне женщину. Не функцию. Не трофей. Не временное увлечение. Он видит меня — так, как меня никто никогда не видел. И я люблю его.

Аркадий Семёнович крикнул и потянулся за коньяком. Налил себе полную рюмку, выпил залпом.

— Против, — сказал он, стукнув рюмкой по столу. — Я против этой свадьбы. Марго, ты моя единственная дочь. Я хочу, чтобы ты была счастлива. А этот... этот брак — он не принесёт тебе счастья. Он старше тебя! О чём вы будете говорить через десять лет? Через пятнадцать? Когда он будет дряхлым стариком, а ты — женщиной в самом расцвете?

— Аркаша! — ахнула Светлана Петровна.

— А что «Аркаша»? Я правду говорю! — он повернулся к жене. — Ты посмотри на неё! Она красивая, молодая, талантливая. За ней любой мужик пойдёт! Зачем ей этот... старик?

— Аркадий Семёнович, — начал Виктор спокойно, но Марго перебила его.

— Папа, — сказала она, и в её голосе зазвенела сталь. Та самая сталь, которую она годами прятала под маской холодной стервы, а теперь наконец-то выпустила наружу. — Ты можешь быть против. Это твоё право. Но я всё равно выйду за него.

— Марго! — отец вскочил из-за стола.

— Подожди! — она тоже встала. — Ты всю жизнь учил меня быть сильной. Ты говорил: «Дочка, никогда не позволяй никому вытирать об тебя ноги». И что же ты делаешь сейчас? Ты пытаешься мне указывать, с кем мне жить. Ты даже не попытался его узнать. Ты просто увидел возраст — и вынес приговор. Но знаешь что? Этот «старик» — единственный мужчина за всю мою жизнь, который отнёсся ко мне с уважением. Не как к красивой кукле. Не как к удобной любовнице. А как к женщине, у которой есть душа, чувства и право на счастье.

В гостиной повисла тишина. Светлана Петровна прижала руку к губам, глядя на дочь с изумлением и гордостью. Аркадий Семёнович стоял, ошарашенный, и в его глазах боролись гнев и растерянность. Виктор молча смотрел на Марго, и в его взгляде было столько любви и уважения, что слова были не нужны.

— Я люблю тебя, папа, — продолжила Марго уже мягче. — Ты — самый важный мужчина в моей жизни. Ты научил меня не сдаваться. Так не заставляй меня выбирать между тобой и моим счастьем. Пожалуйста.

Аркадий Семёнович медленно опустился обратно на стул. Долго молчал, глядя в свою тарелку. А потом вдруг поднял глаза на Виктора и спросил:

— Вы действительно её любите?

— Больше жизни, — ответил Виктор без тени колебаний.

— И вы сделаете её счастливой?

— Я сделаю для этого всё, что в моих силах.

Отец Марго снова замолчал. Перевёл взгляд на дочь, на её горящие глаза, на сжатые кулаки, на гордо поднятый подбородок. И вдруг вздохнул — тяжело, по-стариковски, но уже без злости.

— Ладно, — сказал он тихо. — Я не благословляю. Пока не благословляю. Но и препятствовать не буду. Живите, как знаете. Только, — он поднял палец, — если ты, — он ткнул пальцем в Виктора, — хоть пальцем её тронешь, хоть словом обидишь — я тебя из-под земли достану. Понял?

— Понял, — серьёзно ответил Виктор. — И обещаю: этого никогда не случится.

— Вот и договорились, — подвела итог Светлана Петровна, которая, кажется, только и ждала момента, чтобы разрядить обстановку. — А теперь — десерт! Я испекла свой фирменный медовик!

Вечер закончился гораздо теплее, чем начался. Аркадий Семёнович, хоть и оставался хмурым, но уже не сверлил Виктора взглядом, а временами даже отвечал на его вопросы. Светлана Петровна, провожая гостей, отвела дочь в сторонку и тихо сказала:

— Я видела тебя разной, Марго. Видела, как ты мучилась с тем... как его... с Аланом. Видела, как ты плакала. А сейчас ты светишься. И пусть твой отец ворчит — я за тебя спокойна. Он, — она кивнула в сторону Виктора, — хороший человек. Я это чувствую. Ты будешь с ним счастлива.

— Спасибо, мам, — Марго обняла её, и на глазах у обеих выступили слёзы.

В машине, когда они возвращались в отель, Виктор взял Марго за руку и сказал:

— Я горжусь тобой. То, что ты сегодня сказала отцу... Это было непросто. Но ты справилась. И я хочу, чтобы ты знала: я никогда не заставлю тебя жалеть о своём выборе.

— Я знаю, — она улыбнулась, сжимая его ладонь. — И я ни о чём не жалею. Только... — она замялась. — Субботний ужин. Ты всё ещё хочешь, чтобы я там была?

— Конечно, — он удивлённо посмотрел на неё. — А что тебя смущает?

— Там будет Алан. Это будет... непросто.

— Это будет разговор, который давно назрел, — сказал Виктор твёрдо. — Я слишком долго избегал его. Пора посмотреть правде в глаза. Всем нам.

—

А тем временем Элла, сама того не зная, готовилась к тому же ужину. Она стояла перед зеркалом в своей спальне, примеряя новое платье — тёмно-фиолетового цвета, с открытыми плечами и строгим силуэтом, — и пыталась представить себе отца Алана. Каким он окажется? Таким же холодным и властным, как сын? Или, может быть, совсем другим? И кто ещё будет за столом? Алан упомянул, что будут «ещё кто-то», но не уточнил, кто именно.

Она ещё не знала, что через несколько дней окажется за одним столом с Марго — женщиной, которая устроила скандал в «Империале». С Виктором Романовичем — отцом, который скрывает от неё и от всего мира свою самую главную тайну.

Но это всё будет потом. А пока Элла покрутилась перед зеркалом, поправила выбившуюся прядь и улыбнулась своему отражению. Платье сидело идеально. Субботний ужин должен был стать её триумфом — вечером, когда она наконец-то почувствует себя частью мира Алана.

Она ещё не знала, что этот вечер станет не триумфом, а катастрофой. И что выбор, который она, казалось бы, уже сделала, окажется под вопросом.

Август в этом году выдался на редкость щедрым. Солнце, которое, казалось, только вчера нещадно палило, теперь грело мягко, по-осеннему ласково, а ветер с реки приносил запахи скошенной травы и спелых яблок. Вечера становились длиннее, тени — глубже, и в воздухе появилась та особенная, чуть грустная прозрачность, какая бывает только в конце лета, когда всё вокруг словно замирает перед тем, как уступить место осени.

В клубе «Грация» жизнь шла своим чередом. Лошади, не знавшие календарей и не ведавшие человеческих драм, так же размеренно жевали сено в денниках, так же охотно подставляли морды под ласковую руку и так же требовали внимания. Для них время текло иначе: размеренно, просто, без лишних сожалений. И Матвей, сам того не замечая, учился у них этому спокойному, мудрому ритму.

Он много работал в последние дни. Работа помогала не думать, а думать ему сейчас было вредно. Думать означало вспоминать Эллу. Её глаза, её смех, её растерянное лицо, когда он сказал ей: «Я люблю тебя». И её молчание в ответ. Молчание, которое было красноречивее любых слов.

Он не жалел, что сказал. Жалел только, что не сказал раньше. Может быть, тогда всё сложилось бы иначе. А может, и нет — кто знает? В конце концов, Элла сделала свой выбор. Она была с Аланом. И Матвей, как бы ни было больно, принимал это. По крайней мере, пытался.

В тот четверг, когда солнце клонилось к закату, окрашивая манеж в золотисто-розовые тона, Матвей, как обычно, задержался в конюшне. Гроза, его гнедая кобыла, в последние дни была беспокойна — то ли чуяла приближение осени, то ли просто требовала больше внимания, — и он лишний раз проходил по её деннику с вилами, подсыпал свежих опилок, проверял воду. Работа, простая и понятная, успокаивала. Здесь, среди запахов сена, кожи и лошадиного пота, всё было на своих местах. Здесь не было серых глаз и холодных улыбок. Здесь не было Алана. И здесь не было выбора, который нужно делать.

Он уже собирался закончить и идти домой, в свою холостяцкую квартиру, где его ждали только тишина и недоеденный ужин, когда услышал осторожные шаги у входа в конюшню. Кто-то вошёл, нерешительно оглядываясь по сторонам, и тихо кашлянул, привлекая внимание.

Матвей обернулся. У дверей стояла молодая женщина — та самая, которую он видел здесь несколько недель назад, в тот самый вечер, когда Элла не ответила на его звонок. Та самая, с перепуганной таксой на руках, которая, казалось, прощалась с жизнью. Теперь она выглядела совсем иначе. Ни следа паники на лице — только мягкая, тёплая улыбка и лёгкий румянец на щеках. Одетая она была просто: летнее платье в мелкий горошек, которое делало её похожей на девушку из старых фильмов, и босоножки на низком каблуке. Русые волосы, собранные в низкий хвост, выбивались мягкими прядями у висков. А на руках — точнее, на поводке у её ног — сидела та самая такса. Живая, здоровая, с любопытно задранной мордой и хвостом, который ходил ходуном от радости.

— Здравствуйте, — сказала женщина, и голос у неё оказался приятным, грудным, с лёгкой хрипотцой. — Вы меня, наверное, не помните. Я...

— Помню, — перебил Матвей, откладывая вилы в сторону. — Вы были здесь три недели назад, вечером. С собакой. Такса. Вы думали, что она отравилась.

— Да! — она просияла, явно польщённая тем, что её запомнили. — Именно. Меня зовут Алиса. А это, — она кивнула на таксу, которая уже натягивала поводок, пытаясь обнюхать всё вокруг, — это Грета. Грета фон Таксенберг, если официально. Но можно просто Грета.

— Грета фон Таксенберг, — Матвей усмехнулся и присел на корточки, чтобы дать собаке обнюхать свою ладонь. — Серьёзное имя для такой маленькой особы. А я — Матвей.

— О, вы не представляете, насколько оно ей подходит! — рассмеялась Алиса. — У Греты характер — будьте здоровы. Она считает себя как минимум немецкой овчаркой. А как максимум — хозяйкой вселенной.

Грета, подтверждая слова хозяйки, важно обнюхала пальцы Матвея, потом чихнула и завилыла хвостом с такой скоростью, что, казалось, ещё немного — и она взлетит.

— Я пришла, чтобы поблагодарить вас, — сказала Алиса, и её улыбка стала чуть более серьёзной. — В тот вечер, когда вы дали мне адрес круглосуточной клиники... Если бы не вы, Греты, скорее всего, уже не было бы на свете. Ветеринар сказал, что мы успели буквально в последний момент. Ещё полчаса — и было бы поздно.

— Я ничего особенного не сделал, — пожал плечами Матвей, выпрямляясь. — Просто дал адрес.

— Нет, — она покачала головой. — Вы сделали гораздо больше. Вы не отмахнулись от меня. А ведь было уже поздно, вы устали, и я была совершенно посторонним человеком. Вы могли просто сказать: «Извините, ветеринар ушёл, ничем не могу помочь». Но вы не сказали. Вы позвонили кому-то, попытались найти выход. И когда не дозвонились — не опустили руки. Знаете, сколько людей просто прошли бы мимо?

Матвей молчал. Ему было немного неловко от этой благодарности — он действительно не считал, что сделал что-то особенное. Просто поступил так, как должен был поступить. Но Алиса смотрела на него с такой искренней, светлой признательностью, что отмахнуться от её слов было бы просто грубо.

— Я очень рад, что с вашей собакой всё в порядке, — сказал он наконец. — Правда. У меня у самого лошадь — вон, Гроза, — и я знаю, что такое, когда с животным беда. Сам не свой становишься.

— Гроза, — повторила Алиса, подходя ближе к деннику. — Какая красивая. Можно?

— Можно, только осторожно. Она сегодня немного нервная.

Алиса протянула руку, и Гроза, вопреки своему сегодняшнему настроению, вдруг успокоилась и доверчиво ткнулась мордой в ладонь. Алиса тихо засмеялась и погладила кобылу по бархатистому носу.

— У вас лёгкая рука, — заметил Матвей. — Обычно Гроза не сразу подпускает чужих.

— Я вообще-то немножко ветеринар, — призналась Алиса, и в её глазах заплясали искорки. — Ну, не совсем ветеринар. Я училась на ветеринара, но потом ушла в другое направление. Работаю сейчас в приюте для животных. Но кое-какие навыки остались. Животные меня, кажется, любят.

— Это заметно, — кивнул Матвей, глядя, как Грета у его ног безуспешно пытается подружиться с конюшенным котом, который, в свою очередь, смотрел на таксу с выражением глубочайшего презрения.

— Слушайте, — Алиса вдруг повернулась к нему, — я понимаю, что это прозвучит странно, но... Может, я могу вас как-то отблагодарить? Не просто «спасибо». А по-настоящему. Например... — она на мгновение замялась, и Матвей заметил, как на её щеках проступил лёгкий румянец. — Например, я могу угостить вас кофе. Или даже ужином. В знак благодарности.

— В знак благодарности, — повторил Матвей, и уголки его губ дрогнули в улыбке. — То есть вы предлагаете мне ужин в благодарность за то, что я дал вам адрес клиники?

— Ну... не только за это, — она смотрела на него открыто, без кокетства, но с явным интересом. — Ещё за то, что вы были добры ко мне. И к Грете. И к лошадям. И вообще... — она вдруг рассмеялась. — Я, кажется, несу чушь. Просто вы мне понравились, Матвей. Я могу называть вас Матвей? Или лучше по имени-отчеству?

— Лучше просто Матвей, — сказал он. — А вы — Алиса.

— Алиса, — подтвердила она. — Очень приятно познакомиться. Ещё раз.

Они ещё немного постояли в конюшне, болтая о пустяках. Алиса расспрашивала о лошадях, о Грозе, о том, как Матвей пришёл работать в «Грацию». Она слушала внимательно, задавала точные, умные вопросы, смеялась его шуткам. С ней было на удивление легко — так легко, как не было с Эллой в последнее время. С Эллой каждое слово было взвешенным, каждый взгляд — многозначительным, каждая пауза — наполненной недосказанностью. А с Алисой... С Алисой можно было просто говорить. Не думая о том, что каждое слово может быть истолковано превратно.

— Значит, договорились? — сказала она, когда небо за окном начало темнеть. — Завтра вечером? Я знаю одно чудесное место. Там готовят лучший яблочный пирог в городе. И там пускают с собаками, так что Грета будет с нами.

— Собака на свидании? — Матвей приподнял бровь. — Оригинально.

— А кто сказал, что это свидание? — Алиса лукаво улыбнулась. — Это просто благодарственный ужин. С собакой. С яблочным пирогом. И с очень симпатичным конюхом.

— Конюхом? — переспросил он с притворным возмущением. — Вообще-то я ещё и зоотехник. И немножко пекарь. И вообще разносторонне развитая личность.

— Тогда с очень симпатичным зоотехником-пекарем-личностью, — поправилась она, смеясь. — Ну так что? Я заеду за вами завтра в семь?

— Заедете? — он удивлённо поднял бровь. — Обычно мужчина заезжает за женщиной.

— Обычно — да, — она пожала плечами. — Но я не обычная женщина. И потом, это же я вас приглашаю, а не вы меня. Так что логичнее, если я заеду. У меня, кстати, очень удобная машина. И Грета уже привыкла к вашему запаху. Видите? — она кивнула на таксу, которая к тому моменту умудрилась улечься прямо на ногу Матвея и, кажется, даже начала посапывать. — Она вас одобрила. А Грета плохих людей не одобряет.

Матвей посмотрел на таксу, которая с абсолютно блаженным видом спала у его ног, на Алису — живую, улыбочивую, простую, — и вдруг почувствовал что-то, чего не чувствовал уже несколько недель. Легкость. Обыкновенную человеческую лёгкость, когда не нужно ни за что бороться, никому ничего доказывать и ни с кем соперничать.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра в семь. Но с одним условием.

— Каким?

— Яблочный пирог — за мой счёт. Всё-таки я мужчина, а вы — женщина. И пусть даже это просто благодарственный ужин, я не позволю даме платить за пирог.

— Договорились, — она протянула руку, и он пожал её — тёплую, мягкую, с тонкими пальцами. — Тогда до завтра, Матвей. Пойдём, Грета! Скажи «до свидания» дяде конюху-зоотехнику-пекарю.

Грета нехотя поднялась, зевнула, демонстрируя розовый язычок, и потрусила за хозяйкой. У выхода Алиса обернулась и, чуть помедлив, добавила:

— Знаете, я давно не встречала таких людей, как вы. Добрых. Настоящих. И если этот ужин — всего лишь повод сказать вам «спасибо», то я рада, что он у меня появился.

И ушла, оставив Матвея стоять в опустевшей конюшне с лёгким недоумением и ещё более лёгким, едва уловимым чувством, похожим на... интерес. Да, именно интерес. К женщине, которая не боится приглашать мужчину на ужин. Которая говорит то, что думает. Которая смеётся открыто и не пытается казаться кем-то другим.

Он покачал головой, хмыкнул и пошёл закрывать конюшню на ночь. Завтра в семь. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 7

На следующий вечер Алиса и вправду заехала за ним ровно в семь. Её машина — маленький, но уютный хэтчбек цвета морской волны, — остановилась у ворот клуба, и сама она вышла, чтобы пересесть на пассажирское сиденье, уступив руль Матвею.

— Вы серьёзно думали, что я позволю вам вести машину? — спросил он, усаживаясь за руль.

— Я серьёзно думала, что мы будем спорить об этом минут десять, — ответила она, пристёгиваясь. — Но раз вы так галантны — я сдаюсь без боя. Грета, сидеть смирно! Мы едем в ресторан!

Ресторанчик, который выбрала Алиса, оказался прелестным. Маленький, спрятанный в глубине старого двора, с деревянными столиками под открытым небом и гирляндами тёплых лампочек, протянутых между деревьями. Пахло яблоками и корицей, откуда-то доносилась тихая джазовая мелодия, и, как и было обещано, с собаками здесь действительно разрешалось сидеть — под столом уже устроилась чья-то пушистая колли, а на соседнем стуле восседал важный мопс в смешной бабочке.

— Ну как? — спросила Алиса, когда они уселись за столик, увитый плющом. — Стоило оно того?

— Определённо стоило, — признал Матвей, оглядываясь. — Как вы нашли это место?

— Случайно, — она улыбнулась. — Я вообще много чего нахожу случайно. Это у меня талант такой — находить хорошее там, где его не ждёшь.

Она посмотрела на него поверх меню, и Матвей вдруг поймал себя на мысли, что этот взгляд — открытый, весёлый, с искоркой — ему приятен. Очень приятен. Не так, как взгляд Эллы — от которого внутри всё переворачивалось и болело. А по-другому. Спокойнее. Легче. Как дуновение тёплого ветра после долгой бури.

— Вы задумались, — заметила Алиса. — О чём?

— О том, что вы правы, — ответил он. — Хорошее действительно иногда находишь там, где не ждёшь.

Она улыбнулась и ничего не сказала. Но её глаза, в которых отражались огоньки гирлянд, говорили гораздо больше слов.

—

А в это время Элла стояла у зеркала в своей квартире и снова примеряла платье для субботнего ужина. Алан прислал ей новое украшение — на этот раз не «на вечер, с возвратом», а в подарок. Изящный золотой браслет с крошечными бриллиантами, который мерцал в свете лампы, как россыпь звёзд. К нему прилагалась записка: *«Моей дорогой. Чтобы ты помнила: ты достойна самого лучшего»*.

Элла улыбалась, но улыбка не доходила до глаз. Она думала о Матвее. О том, что он больше не пишет. Не звонит. Не ищет встреч. И о том, что ей этого не хватает — остро, мучительно, до ломоты в груди.

Она ещё не знала, что в этот самый момент Матвей сидел в маленьком ресторанчике с другой женщиной. С женщиной, которая была проще, легче, доступнее. С женщиной, которая смотрела на него с явным интересом. И которая не боялась этого показывать.

—

После того вечера у родителей Марго, после трудного разговора с отцом и неожиданного благословения матери, Виктор Романович, казалось, стал ещё решительнее. Он словно сбросил последние оковы, которые связывали его с прошлым, и теперь смотрел в будущее с азартом, какого сам от себя не ожидал. Жизнь — одна. И он больше не собирался тратить её на сомнения.

На следующее утро после знакомства с родителями он позвонил Марго ни свет ни заря и попросил освободить весь день.

— Зачем? — удивилась она, сонно щурясь в трубку.

— Увидишь. Это сюрприз. Одевайся по-простому, мы едем за город.

— Опять конная прогулка?

— Нет, — в его голосе послышалась улыбка. — Сегодня кое-что другое. Но не менее интересное.

Через час его чёрный автомобиль уже мчался по загородному шоссе. Марго сидела рядом, гадая, что он задумал, а Виктор, как всегда, хранил загадочное молчание, лишь изредка бросая на неё тёплые, полные нежности взгляды. За окном проплывали поля, перелески, редкие деревеньки — идиллический пейзаж, который так не вязался с привычной Марго городской суетой.

— Далеко ещё? — спросила она, когда машина свернула на частную дорогу, обсаженную старыми липами.

— Почти приехали, — ответил Виктор и взял её за руку. — Закрой глаза.

— Что?

— Закрой глаза, — повторил он. — Я хочу, чтобы ты увидела это так, как я задумал.

Марго, недоумевая, послушалась. Машина проехала ещё немного, потом остановилась. Виктор вышел, обошёл автомобиль, открыл дверь с её стороны и, взяв за руку, помог выбраться наружу. Воздух здесь был совсем другим — чистым, наполненным запахами хвои и нагретой солнцем земли.

— Можно открывать, — прошептал он ей на ухо, стоя у неё за спиной.

Марго открыла глаза и ахнула.

Перед ней, в обрамлении вековых сосен, стоял дом. Нет, не дом — особняк. Двухэтажный, из светлого камня, с эркерами, балконами и огромными панорамными окнами, в которых отражались облака и верхушки деревьев. Архитектура была выдержана в классическом стиле, но с современными нотками — кованые перила балконов, мансардные окна, увитая плющом веранда с колоннами. К центральному входу вела широкая дорожка, вымощенная натуральным камнем, а вокруг уже был разбит сад — молодой, но видно, что над ним работал талантливый ландшафтный дизайнер: розовые кусты, декоративные кустарники, альпийские горки, небольшой пруд с кувшинками.

— Виктор... — выдохнула Марго, не в силах отвести глаз. — Что это?

— Это наш дом, — сказал он просто. — Точнее, будет нашим. Если ты захочешь.

— То есть как — наш? — она повернулась к нему, и в её глазах, всегда таких уверенных, сейчас плескалась растерянность. — Ты купил этот дом? Для нас?

— Я купил его два дня назад, — признался Виктор. — Увидел объявление, приехал посмотреть — и понял, что это оно. То самое место. Знаешь, бывает так: заходишь куда-то и сразу чувствуешь — твоё. Здесь будет наш дом, Маргарита. Твой и мой. Если ты согласишься, конечно. Может быть, он тебе не понравится? Может, ты хотела что-то другое? Тогда мы поищем...

— Не понравится?! — Марго засмеялась, и смех её был похож на звон серебряных колокольчиков. — Виктор, он прекрасен! Он... он именно такой, о каком я мечтала всю жизнь!

— Я знаю, — он улыбнулся той самой мальчишеской улыбкой, от которой у неё каждый раз таяло сердце. — Ты как-то рассказывала о своём идеальном доме. Помнишь, после конной

прогулки, когда мы сидели у ручья? Ты говорила: двухэтажный, обязательно с балконом, обязательно с садом, обязательно чтобы розы. Я запомнил.

У Марго навернулись слёзы на глаза. Он запомнил. Он запомнил каждое слово, которое она тогда сказала — просто так, в порыве откровения, не ожидая, что это имеет значение. А он запомнил. И не просто запомнил — нашёл дом, который соответствовал её мечтам до мельчайших деталей.

— Пойдём, — он взял её за руку. — Я покажу тебе всё изнутри.

Интерьер оказался под стать экстерьеру: просторные, светлые комнаты с высокими потолками, паркет из натурального дуба, лепнина на стенах, камин в гостиной и в хозяйской спальне. Марго ходила по дому как зачарованная, касаясь пальцами дверных ручек, подоконников, мраморных столешниц. Всё было выполнено в элегантном, сдержанном стиле, без кричащей роскоши, но с тем самым вкусом, который говорит о настоящем богатстве.

— Здесь будет наша гостиная, — Виктор обвёл рукой огромный зал с панорамными окнами во всю стену. — Вид на сад и на пруд. По вечерам здесь можно сидеть у камина с книгой и бокалом вина. А хочешь — принимать гостей. Места хватит на всех.

— На каких гостей? — Марго усмехнулась. — У меня из гостей — только ты.

— Теперь будет больше, — уверенно сказал он. — Я хочу, чтобы этот дом был полон голосов. Чтобы здесь звучал смех, музыка, разговоры. Я слишком долго жил в тишине, Маргарита. Хватит.

Они прошли на кухню — огромную, оборудованную по последнему слову техники, но при этом очень уютную, с большим обеденным столом и французским окном, выходящим в сад.

— Ты ведь не готовишь, — сказала Марго, оглядывая плиту, на которой можно было готовить одновременно на целую армию.

— Я — нет, — признался Виктор. — Но я хочу, чтобы у тебя было всё, что нужно. И... — он чуть замялся, — я нанял персонал. Повара, горничную, садовника. Надеюсь, ты не против?

— Персонал? — Марго подняла бровку. — И где же они будут жить?

— В отдельном доме, — он кивнул в сторону окна, за которым виднелась аккуратная постройка в том же архитектурном стиле, что и главный дом, только поменьше. — Я не хочу, чтобы кто-то мешал нам, когда мы захотим побыть вдвоём. Это дом для прислуги. Три комнаты, своя кухня, все удобства. Вход с отдельной стороны участка. Мы будем видеть их только тогда, когда сами захотим.

Марго покачала головой, всё ещё не веря в происходящее.

— Ты всё продумал, да?

— Я старался, — он обнял её сзади, положил подбородок ей на плечо, и они вместе смотрели в окно на сад, на пруд, на закатное солнце, которое золотило верхушки сосен. — Я хочу, чтобы тебе здесь было хорошо. Чтобы ты чувствовала себя хозяйкой, а не гостьей. Чтобы этот дом стал твоим — по-настоящему. Не просто местом, где ты живёшь, а местом, куда ты возвращаешься с радостью.

— Виктор, — она повернулась к нему, и в её глазах стояли слёзы. — Я... я не знаю, что сказать.

— Скажи «да», — предложил он. — Скажи, что тебе здесь нравится. И что ты готова здесь жить. Со мной.

— Да, — прошептала она, и голос её дрогнул. — Да, мне нравится. Да, я готова. Я готова жить с тобой где угодно — хоть в шалаше. Но этот дом... он прекрасен. Он — как мечта, которая вдруг стала реальностью.

— Вот и славно, — он поцеловал её в висок. — Тогда — добро пожаловать домой, Маргарита.

Они ещё долго бродили по дому и по саду. Марго обнаружила розарий — тот самый, о котором мечтала, — и теплицу, и небольшую конюшню на две лошади, которая, по словам Виктора, «ждала Искру и Графа». Она трогала лепестки роз, вдыхала их аромат, слушала, как журчит вода в пруду, и чувствовала себя героиней сказки, которая вдруг стала былью.

Вечером они сидели на веранде, в плетёных креслах, и смотрели, как над соснами загораются первые звёзды. В доме уже горел свет — его зажгла горничная, которая пришла, пока они гуляли, и теперь тихо и незаметно готовила дом к приезду хозяев. Повар, по словам Виктора, должен был приехать завтра. Садовник уже работал — приводил в порядок кусты и клумбы.

— Знаешь, что я сейчас чувствую? — спросила Марго, глядя на звёзды.

— Что?

— Покой. Настоящий, глубокий покой. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Раньше моя жизнь была как бесконечная гонка — за счастьем, за признанием, за любовью, которой не было. А сейчас... Сейчас я просто сижу здесь, с тобой, и понимаю: мне больше не нужно никуда бежать. Всё, что мне нужно, — здесь.

— Это потому, что ты наконец-то позволила себе быть счастливой, — сказал Виктор тихо. — Ты перестала доказывать миру, что достойна. Ты просто поверила в это.

— Благодаря тебе, — она повернулась к нему и положила голову ему на плечо. — Ты показал мне, что я достойна. Когда никто другой не показывал.

— Это потому, что я знаю цену настоящим вещам, — он погладил её по волосам. — Я слишком много потерял в жизни, чтобы не ценить то, что нашёл сейчас. Ты — моё сокровище, Маргарита. И этот дом — всего лишь оправа для него.

Они замолчали, глядя на звёзды. Где-то далеко, в городе, шумели машины, спешили люди, решались проблемы. А здесь, в этом доме, спрятанном среди сосен, время словно остановилось. Были только двое — мужчина, который наконец-то позволил себе быть счастливым, и женщина, которая наконец-то узнала, что такое настоящая любовь.

— Знаешь, что самое удивительное? — вдруг спросила Марго.

— Что?

— Что я когда-то ненавидела Эллу. Представляешь? Я думала, что она — мой враг. Что она украла у меня Алана. А на самом деле... если бы не она, я бы, наверное, тогда не согласилась бы с тобой поужинать. Я бы продолжала цепляться за Алана, как за последнюю надежду, и не увидела бы, что настоящая любовь — она совсем рядом. Просто я смотрела не туда.

— Иногда жизнь забирает у нас что-то, чтобы дать гораздо большее, — философски заметил Виктор. — Важно только не пропустить этот момент. Не закрыться в обиде. Не уйти в себя. Ты — не пропустила. Ты позволила себе открыться заново. Это дорогого стоит.

— Спасибо тебе, — прошептала она. — За всё. За дом, за розы, за звёзды. Но больше всего — за то, что ты меня выбрал.

— Это ты меня выбрала, — он улыбнулся. — Я просто сделал всё, чтобы ты не пожалела об этом.

Они просидели на веранде до глубокой ночи. А когда наконец поднялись, чтобы идти в дом, Марго остановилась на пороге и обернулась, окидывая взглядом сад, пруд, усыпанное звёздами небо.

Двое влюблённых, которые наконец-то нашли друг друга. Наперекор возрасту. Наперекор прошлому. Наперекор всему.

—

Утро в новом доме началось с солнца. Оно ворвалось в спальню сквозь панорамные окна, которые они вчера так и не зашторили, залило золотом паркет, кровать, спутанные волосы Марго, разметавшиеся по подушке. Она проснулась первой и несколько минут просто лежала,

глядя в потолок с лепниной и слушая, как за окном щебечут птицы. Где-то внизу, на кухне, уже осторожно позвякивала посудой горничная — та самая, которую Виктор нанял накануне. В воздухе пахло свежесваренным кофе и чем-то сладким — кажется, повар уже приступил к своим обязанностям.

Марго повернула голову и посмотрела на Виктора. Он спал, и во сне его лицо казалось моложе — разгладились морщины у глаз, исчезла та напряжённая складка между бровей, которая появлялась, когда он думал о делах. Сейчас это было просто лицо мужчины, который наконец-то обрёл покой. Её мужчины.

Она осторожно, чтобы не разбудить, коснулась его седых волос, провела пальцем по щеке. Он вздохнул во сне и чуть улыбнулся — словно даже в глубине сновидений чувствовал её присутствие.

— Доброе утро, — прошептала она, когда он наконец открыл глаза.

— Доброе, — его голос был хриплым со сна, но глаза уже сияли. — Ты знаешь, что я впервые за много лет проспал до девяти? Обычно я встаю в шесть, даже по выходным. А тут... — он огляделся, будто вспоминая, где находится. — Ах да. Я же дома.

— Ты дома, — подтвердила Марго. — В нашем доме. И сегодня суббота. И у нас нет никаких дел, кроме одного — наслаждаться жизнью.

— Вообще-то есть одно дело, — Виктор приподнялся на локте. — Важное.

— Какое? — она насторожилась.

— Я хочу, чтобы ты организовала свадьбу.

Марго замерла. Она, конечно, знала, что свадьба будет — они уже говорили об этом, и кольцо с сапфиром красовалось на её пальце. Но одно дело — просто знать, и совсем другое — услышать это вот так, тёплым субботним утром, в их новом доме.

— Свадьбу? — переспросила она.

— Свадьбу, — подтвердил Виктор. — Самую красивую, самую пышную, самую невероятную свадьбу, какую ты только можешь себе представить. Я хочу, чтобы ты организовала её полностью по своему вкусу. Любое место, любое меню, любое платье, любые цветы. Хочешь — в старинном замке. Хочешь — на берегу моря. Хочешь — здесь, в нашем саду. Всё, что ты пожелаешь. И всё — за мой счёт.

— Виктор... — у Марго перехватило дыхание. — Ты хоть представляешь, сколько может стоить такая свадьба?

— Представляю, — он улыбнулся. — И поверь, я могу себе это позволить. Я всю жизнь зарабатывал деньги. На что мне их тратить, если не на счастье любимой женщины?

— Но это же огромные траты! Цветы, платье, ресторан, музыка...

— Маргарита, — он взял её за руку и посмотрел в глаза. — Послушай меня. Я не бедный человек. У меня достаточно средств, чтобы устроить хоть десять таких свадеб. Но мне нужна только одна. С тобой. И я хочу, чтобы эта свадьба была именно такой, о какой ты мечтала в детстве. О какой мечтает каждая девочка. Ты же мечтала?

Марго вдруг вспомнила. Да, мечтала. Когда-то, совсем маленькой, она вырезала из журналов картинки с подвенечными платьями и клеивала их в альбом. Рисовала замки, арки из роз, многоярусные торты. Представляла, как войдёт в зал под руку с отцом — и все ахнут. А потом... Потом она выросла, и мечты куда-то ушли. Сначала учёба, потом карьера, потом бесконечная гонка за мужским вниманием, которая не оставляла места для сказки.

И вот сейчас сказка вернулась.

— Я мечтала, — прошептала она. — Очень. Только я не знаю... Я так давно об этом не думала.

— Вот и подумай, — он поцеловал её руку. — У тебя есть всё время мира. И неограниченный бюджет. Найми организатора, флориста, декоратора — кого угодно. Пусть сделают так, как ты хочешь. А я только поставлю подпись на чеке.

— А тебе самому какую свадьбу хотелось бы? — спросила она.

— Мне — такую, на которой ты будешь счастлива, — ответил он просто. — Всё остальное не имеет значения.

Марго вдруг рассмеялась — легко, радостно, как смеялась только в детстве. Она обняла Виктора, прижалась к его груди, слушая ровный стук сердца, и чувствовала себя самой счастливой женщиной на земле. Свадьба мечты. Неограниченный бюджет. Мужчина, который готов исполнить любой её каприз. И главное — любовь. Настоящая, взрослая, та, которую она искала так долго и уже почти отчаялась найти.

— Знаешь, что я хочу? — сказала она, отстраняясь. — Я хочу свадьбу здесь. В этом саду. Среди роз. Под открытым небом. Чтобы было не слишком много гостей — только самые близкие. Чтобы играл струнный квартет. Чтобы торт был с лавандой и лимоном. И чтобы на мне было платье из кружева — того самого, старинного, которое похоже на то, в каком выходила замуж Грейс Келли.

— Будет, — сказал Виктор и поцеловал её в лоб. — Всё будет. И платье, и торт, и квартет. И даже розы будут именно того оттенка, который ты выберешь.

Они ещё долго лежали в постели, обсуждая детали. Марго, которая всегда была такой сдержанной, такой холодной и язвительной, сейчас щебетала как девчонка, перебирая варианты: цветовую гамму, меню, музыку для первого танца. Виктор слушал, улыбался и согласно кивал. Ему было всё равно, какого цвета будут салфетки и какие цветы украсят арку. Ему было важно только одно: чтобы она была счастлива.

А потом Марго вдруг замерла и посмотрела на него серьёзно.

— Ты ведь понимаешь, что на этой свадьбе будет Алан? И твоя бывшая жена, его мать?

— Моя бывшая жена умерла много лет назад, — напомнил Виктор.

Марго кивнула. Она больше не боялась Алана. Не боялась его холодности, его презрения, его власти. Теперь она сама была хозяйкой своей судьбы — и хозяйкой этого дома, и будущей женой этого мужчины. И пусть Алан злится. Пусть хоть весь мир перевернётся. Она выйдет замуж за Виктора Раевского. И это будет самая красивая свадьба в её жизни.

—

А в это же время в городе, в маленькой кофейне на тихой улочке, Матвей сидел за столиком напротив Алисы и смотрел, как она кормит Грету кусочком круассана. Такса важно брала угощение с ладони, а потом требовательно смотрела: «Ещё!»

— Ты её разбалуешь, — заметил Матвей, делая глоток кофе.

— Она уже разбалованная, — Алиса рассмеялась и потрепала собаку за ухом. — Но это не моя вина. Это генетика. Таксы вообще склонны к манипуляциям.

— Да неужели?

— Абсолютно серьёзно! — она подняла палец вверх. — У них врождённый талант строить из себя несчастных, голодных и обделённых вниманием. Даже если они только что съели целую миску корма и получили три часа прогулки.

Матвей усмехнулся и покачал головой. С Алисой было легко. Удивительно легко. Он ни разу не почувствовал напряжения, неловкости или необходимости играть какую-то роль. Она была именно такой, какой казалась: открытой, доброй, с прекрасным чувством юмора и с искренней любовью ко всему живому. С ней можно было молчать — и это молчание не было тягостным. С ней можно было смеяться — и смех был настоящим, а не вымученным. С ней можно было говорить о чём угодно: о лошадях, о работе в приюте, о смешных случаях из жизни, о книгах, которые оба читали.

Сегодня они встретились просто так — без повода, без «благодарственного ужина». Алиса позвонила утром и сказала, что хочет показать ему новое место — уютную кофейню

с потрясающими круассанами и с террасой, увитой глицинией. И он согласился. Даже не раздумывая.

Они сидели на этой самой террасе уже второй час, болтая о пустяках. Грета, устав клянчить круассан, свернулась калачиком у ног хозяйки и засопела. Солнце, пробиваясь сквозь заросли глицинии, рисовало на столе причудливые узоры. Пахло кофе и ванилью. И было так спокойно, так хорошо, что Матвей вдруг поймал себя на странной, удивительной мысли.

Он не думал об Элле.

Вот уже второй час он сидел с другой женщиной — красивой, интересной, живой, — и ни разу за всё это время не вспомнил ту, которая ещё недавно занимала все его мысли. Не вспомнил, как она смеялась. Как краснела, когда он говорил ей комплименты. Как плакала, когда признавалась, что была с Аланом. Не вспомнил той боли, которая ещё несколько дней назад была такой острой, что, казалось, никогда не пройдёт.

И самое удивительное — он не заставлял себя не думать. Не давил в себе эти мысли, не отвлекался нарочно. Просто их не было. Как будто кто-то повернул выключатель, и свет, который так долго резал глаза, наконец-то погас. И в наступившей темноте оказалось не страшно, а... спокойно.

— О чём ты задумался? — спросила Алиса, заметив его молчание.

— О том, что здесь очень хорошо, — честно ответил он. — Ты. Круассаны. Кофе. Глициния.

— Я? — она чуть приподняла бровь и улыбнулась. — Я что, в одном ряду с круассанами?

— В одном ряду, но на первом месте, — уточнил он. — Круассаны — вторые.

— Вот это комплимент! — она рассмеялась, и её смех снова напомнил Матвею серебряные колокольчики. — Знаешь, я, кажется, начинаю привыкать к твоему обществу, Матвей-конюх-зоотехник-пекарь. Это опасный симптом.

— Почему опасный?

— Потому что привычка — это первый шаг к чему-то большему, — она посмотрела на него с лёгкой, чуть загадочной улыбкой. — А большее — это всегда риск.

— Риск — не самое страшное, — сказал он серьёзно. — Страшнее — упустить то, что могло бы случиться.

Она замерла, глядя на него. В её глазах, обычно таких весёлых, мелькнуло что-то новое — тёплое, глубокое, внимательное. Она словно увидела его впервые: не просто симпатичного конюха, который помог её собаке, а мужчину, который, возможно, тоже устал от одиночества. Который тоже ищет что-то настоящее.

— Ты говоришь так, будто знаешь, о чём речь, — тихо сказала она.

— Знаю, — кивнул Матвей и отвёл взгляд. — Я слишком долго ждал женщину, которая не могла выбрать. А потом понял: если ждать слишком долго, можно пропустить жизнь.

Алиса помолчала, потом вдруг протянула руку и накрыла его ладонь своей.

— Я не знаю, что у тебя было в прошлом, — сказала она мягко. — И знать не хочу. Это твоё личное. Но я знаю, что сейчас, здесь и теперь, ты — здесь. Со мной. И мне этого достаточно.

Матвей поднял глаза и встретился с её взглядом. В её глазах не было ни тени кокетства или игры. Только тепло. Искренность. И что-то ещё — то самое, что он когда-то искал в Элле и не находил. Готовность быть рядом. Без условий. Без метаний. Без «я не знаю, кого выбрать».

— Спасибо, — сказал он просто.

— За что?

— За то, что ты пришла тогда в конюшню. С Гретой. С перепуганными глазами. С надеждой на чудо. И за то, что осталась.

— Это не я осталась, — она улыбнулась. — Это ты меня не прогнал.

— Я не прогоняю хороших людей, — он улыбнулся в ответ. — И хороших собак. Даже если они манипулируют круассанами.

Грета, услышав слово «круассан», подняла голову и требовательно твякнула. Оба рассмеялись.

И Матвей вдруг понял: всё. Действительно всё. Та боль, которая ещё вчера сидела в груди, как заноза, исчезла. Не притупилась — исчезла совсем. Как будто кто-то вынул её и выбросил в реку, и течение унесло её далеко-далеко. И на её месте теперь было что-то новое. Пока ещё хрупкое, едва зародившееся, но уже тёплое. Надежда.

Не на то, что Элла вернётся. Не на то, что всё изменится. А на то, что жизнь продолжается. Что есть другие женщины. Другие встречи. Другие рассветы. И что он, Матвей, достоин большего, чем вечно ждать ту, которая не может выбрать.

Он посмотрел на Алису. Она доедала свой круассан, не замечая, что на носу у неё осталась крошка, и рассказывала какую-то смешную историю про спаниеля из приюта, который научился открывать холодильник. Грета спала у её ног, смешно подёргивая лапой во сне.

И Матвей подумал: «Вот оно. Вот так выглядит счастье. Простое. Обычное. Без драм и метаний. Кофе, круассаны, собака, женщина, которая не боится показаться смешной. И никакой боли».

Он сделал глоток кофе и улыбнулся. Завтра будет новый день. Завтра будет работа, Гроза, пирожки с вишней. И, возможно, ещё одна встреча с Алисой.

А Элла... Элла осталась в прошлом. В том прошлом, которое он наконец-то отпустил.

Глава 8

Понедельник начался для Эллы как обычно: утренний кофе, пара срочных вызовов, операция по удалению зубного камня у старого, но очень характерного йоркширского терьера, который всем своим видом показывал, что он не одобряет происходящее. Работа отвлекала. Работа спасала. Когда руки заняты, а голова — расчётами дозировок и анестезии, в ней не остаётся места для бесконечных метаний.

Но вечером, когда она вернулась домой и сняла рабочий халат, мысли вернулись. Алан, Матвей. Выбор, который она, казалось бы, сделала, но который всё ещё не давал покоя.

Телефон зазвонил, когда она разогревала ужин. На экране высветилось «Алан».

— Добрый вечер, моя дорогая, — его голос звучал устало, но тепло. — Как прошёл твой день?

— Йоркширский терьер пытался меня укусить, но я увернулась, — отрапортовала она. — А как твой?

— Мой день прошёл в переговорах, которые затянулись на пять часов. Но это не важно. Важно другое: у меня для тебя предложение.

— Какое? — она насторожилась.

— Послезавтра я улетаю в Вену. Деловая встреча с австрийскими партнёрами. Обычно я беру с собой ассистента, но в этот раз хочу взять тебя.

— Меня? — Элла чуть не выронила телефон. — В Вену? Алан, я не могу просто так взять и улететь! У меня работа, пациенты...

— Я уже договорился с твоей клиникой, — перебил он с лёгкой, едва уловимой усмешкой. — У тебя отпуск на три дня. Начиная с завтрашнего вечера.

— Ты... что? — она не верила своим ушам. — Ты договорился с моим начальником?

— Я договорился с владельцем клиники, — поправил он. — Мы с ним, оказывается, знакомы — вместе учились в университете. Я объяснил ситуацию, и он вошёл в положение. Так что формальности улажены. Осталось только твоё «да».

Элла опустила на стул. В голове всё смешалось. Вена. Деловые встречи, на которые он хочет взять её с собой. Это было... ошеломляюще.

— А как же субботний ужин? — вдруг вспомнила она. — Ты же говорил, что твой отец пригласил нас...

— Я уже поговорил с отцом. Ужин перенесём на следующую неделю. Ничего страшного — он всё понял.

— Алан... — она покачала головой, всё ещё не веря. — Ты всё продумал, да?

— Я всегда всё продумываю, — в его голосе послышалась улыбка. — Это моя работа. Но с тобой я не хочу думать. Я хочу просто быть рядом. Хочу показать тебе Вену. Хочу, чтобы ты увидела, как я живу и чем занимаюсь. Хочу, чтобы ты была частью моей жизни — не только здесь, но и там.

Элла молчала, переваривая услышанное. С одной стороны, это было слишком. Слишком быстро, слишком много, слишком похоже на сказку, в которую она всё ещё не до конца верила. С другой стороны... Когда ещё ей выпадет шанс полететь в Вену? Когда ещё она увидит Алана в деле — не в ресторане и не в галерее, а в его настоящей, деловой стихии?

— Ну так что? — спросил он. — Ты согласна?

— Да, — выдохнула она. — Я согласна.

— Вот и славно, — она услышала в его голосе радость. — Машина будет у твоего подъезда завтра в шесть вечера. Возьми с собой что-нибудь красивое для ужина в ресторане и что-нибудь удобное для прогулок по городу. Остальное я беру на себя.

Частный аэропорт, куда они приехали на следующий вечер, оказался совсем не похож на тот огромный, шумный терминал, из которого Элла когда-то летала с родителями на море. Здесь было тихо, спокойно и почти безлюдно. Небольшое здание с панорамными окнами, зелёная лужайка, ведущая к взлётной полосе, и самолёт — белый, с плавными обводами, с логотипом компании Алана на борту.

Элла замерла, увидев его. Она, конечно, знала, что Алан богат. Но одно дело — знать, и совсем другое — стоять на лётном поле перед собственным самолётом, который выглядел как космический корабль из фантастического фильма.

— Впечатляет? — спросил Алан, беря её за руку.

— Я просто... — она покачала головой. — Я никогда не думала, что буду летать на частном самолёте. С мужчиной, который... — она запнулась.

— Который что?

— Который сделал меня самой счастливой женщиной на свете, — закончила она, и это не было преувеличением.

Алан улыбнулся и поднёс её руку к губам.

— Пойдём. Нас ждут.

Внутри самолёт оказался ещё роскошнее, чем снаружи. Кремовые кожаные кресла, расставленные не рядами, а свободными группами, как в гостиной. Деревянные панели на стенах. Мягкое освещение. Небольшой бар с хрустальными бокалами. Стюардесса — элегантная женщина в тёмно-синей форме, — встретила их с улыбкой и проводила к удобным местам у окна. Через несколько минут самолёт уже выруливал на взлётную полосу.

Элла смотрела в иллюминатор, как земля уходит вниз, как город превращается в россыпь огней, а потом и вовсе исчезает под крылом. Алан сидел рядом и держал её за руку, и от этого простого жеста ей было тепло и спокойно.

Они неспешно ужинали прямо в полёте: стюардесса сервировала столик, принесла салаты, горячее, вино. Всё было изысканно, но без излишней помпезности. Алан рассказывал о Вене: о партнёрах, с которыми предстояло встретиться, о городе, который он любил и в котором бывал много раз, о местах, которые хотел ей показать. Элла слушала, задавала вопросы, смеялась его шуткам и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое и светлое.

А потом, когда ужин был закончен, стюардесса деликатно удалилась в переднюю часть самолёта, и они остались вдвоём.

Алан повернулся к ней и посмотрел долгим, глубоким взглядом. В приглушённом свете салона его серые глаза казались почти чёрными, и в них горел тот самый огонь, который она уже видела в шале и в галерее — огонь желания, смешанного с нежностью.

— Знаешь, о чём я думаю? — спросил он, касаясь пальцами её щеки.

— О чём?

— О том, что ты — самая красивая женщина, которая когда-либо летела на этом самолёте. И о том, что я не могу больше ждать.

Он страстно притянул её к себе и поцеловал. Поцелуй был глубоким, долгим, полным того самого голода, который он, кажется, сдерживал весь вечер. Его руки скользнули по её спине, притягивая ближе, теснее, и Элла ответила на поцелуй с такой же страстью, чувствуя, как внутри всё закипает.

— Алан... — прошептала она, отрываясь от его губ. — Мы же в самолёте...

— Мы в моём самолёте, — поправил он хрипло. — И здесь только мы. Стюардесса не войдёт, пока я не вызову. Пилоты — за герметичной дверью. Мы — на высоте десяти тысяч метров. Над облаками. И я хочу тебя. Здесь. Сейчас.

Его слова, его голос, его глаза — всё это действовало на неё гипнотически. Она оглянулась: салон был пуст, свет приглушён, за иллюминатором — бесконечное тёмное небо с россыпью звёзд, таких ярких, каких никогда не увидишь с земли. И это было так невероятно, так головокружительно, что она перестала думать. Просто отдалась страстному моменту.

Алан поднялся и протянул ей руку. Она вложила свою ладонь в его, и он повёл её в заднюю часть салона, где, оказывается, находилась небольшая, но уютная каюта с широким диваном, который при необходимости превращался в кровать. Здесь было ещё более интимно: мягкий полумрак, приглушённый гул двигателей, ощущение полёта, которое добавляло всему происходящему остроты и запретности.

Он усадил её на диван и опустил перед ней на колени. Его пальцы начали медленно, одну за другой, расстёгивать пуговицы её блузки. Это было мучительно медленно — и невероятно возбуждающе. Каждая расстёгнутая пуговица обнажала новый сантиметр кожи, и его губы следовали за пальцами, целуя ключицы, ложбинку между грудями, живот. Элла откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и просто чувствовала — его губы, его руки, его дыхание.

Когда блузка наконец была снята и отброшена в сторону, он потянулся к её джинсам. Справился с пуговицей, потом с молнией, стянул их вниз, вместе с кружевными трусиками, и на мгновение замер, глядя на неё. Она сидела перед ним в одном бюстгалтере, раскрасневшаяся, с припухшими от страстных поцелуев губами, и в её глазах было столько желания, что у него перехватило дыхание.

— Ты даже не представляешь, что ты со мной делаешь, — прошептал он, склоняясь к ней.

— Представляю, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Потому что ты делаешь со мной то же самое.

Он не стал больше медлить. Избавился от своей одежды — быстро, почти нетерпеливо, — и она снова поразила его тому, как красиво его тело. Жилистое, точёное, с гладкой кожей, которая в полумраке казалась золотой. Он сел рядом с ней, и их тела сплелись в объятии, и Элла почувствовала, как сильно он хочет её — каждой клеточкой своего существа.

Их близость была другой, чем в шале, и другой, чем в галерее. Там была нежность и трепет. Здесь — страсть, необузданная, первобытная, та, которую не сдерживают стены и условности. Он целовал её везде — шею, грудь, живот, бёдра, йони, — и от каждого его прикосновения по телу пробегали электрические разряды. Элла стонала, выгибалась навстречу, вцеплялась пальцами в его плечи, в его волосы. Она чувствовала себя одновременно и бесконечно уязвимой, и бесконечно желанной. Никогда раньше она не испытывала ничего подобного: полёт, высота, звёзды за иллюминатором и мужчина, который, казалось, хочет поглотить её целиком в бесконечном потоке его ласк и поцелуев.

Когда он наконец вошёл в неё, оба замерли на мгновение, давая друг другу почувствовать этот момент — момент абсолютного, совершенного единения. А потом началось движение. Ритмичное, глубокое, всё ускоряющееся. Диван мягко пружинил под ними, и это добавляло ощущениям ещё один оттенок — словно они парили в невесомости, словно сам полёт стал частью их близости. Алан шептал что-то ей на ухо, это звучало как самая прекрасная музыка. И она отвечала ему — стопами, движением бёдер, ногтями, впивающимися в его спину и волосы.

Она достигла пика первой — и это было похоже на взрыв сверхновой. Тело выгнулось дугой, из горла вырвался крик, который она даже не пыталась сдержать — всё равно никто не услышит, всё равно они одни в этом небе, над облаками, в своём собственном мире. Алан, почувствовав её финал, позволил себе последовать за ней, и последние мгновения их близости были особенно яростными, особенно глубокими, особенно полными.

Потом они лежали, тяжело дыша. Голова Эллы покоилась на груди Алана, и она слушала, как его сердце постепенно успокаивается — от бешеного галопа к ровному, глубокому ритму. За иллюминатором всё ещё сияли звёзды, и самолёт всё ещё летел сквозь ночь, унося их в

город, который она никогда не видела, но который уже начинала любить — потому что он был частью его мира.

— О чём ты думаешь? — спросил Алан, целуя её в макушку.

— О том, что я, кажется, начинаю понимать, почему люди влюбляются в небо, — ответила она тихо. — Здесь всё другое. Даже мы — другие.

— Мы — настоящие, — поправил он. — Здесь, на высоте, нет масок. Нет игр. Только ты и я.

— Ты и я, — повторила она, прижимаясь к нему теснее. — Мне нравится, как это звучит.

— Мне тоже, — он погладил её по волосам. — Поспи немного. Через пару часов мы будем в Вене. А завтра я покажу тебе город, который украл моё сердце много лет назад.

— Твоё сердце? — она лукаво улыбнулась. — А мне казалось, что его украла я.

— Ты его не украла, — он улыбнулся в ответ. — Я сам тебе его отдал.

Она закрыла глаза и провалилась в сон — глубокий, спокойный, без сновидений. А самолёт летел сквозь ночь, унося их навстречу новому дню, новому городу и новым открытиям.

—

Утро в Вене встретило их солнцем и запахом свежей выпечки из пекарен, которые открывались на каждом углу. Город был именно таким, каким Элла его представляла: элегантным, музыкальным, с величественными дворцами и узкими улочками, с трамваями, звенящими на поворотах, и с воздухом, наполненным историей.

Алан ушёл на деловую встречу сразу после завтрака, оставив в её распоряжении машину с водителем и карту с отмеченными местами, которые он рекомендовал посмотреть. Элла гуляла по городу одна, наслаждаясь свободой и новыми впечатлениями. Она побывала в музее истории искусств, посидела в кофейне «Централь», где когда-то бывали Фрейд и Троцкий, купила смешной магнитик на холодильник — теперь уже не для себя, а «для нас», как она подумала.

А вечером Алан повёл её в Оперу. Это был сюрприз — он не предупредил заранее, просто сказал: «Надень то самое красивое платье, которое ты взяла с собой». И она надела — длинное, тёмно-синее, с открытыми плечами. И когда они вошли в зал Венской оперы — огромный, сверкающий золотом и хрусталём, — Элла почувствовала себя героиней старого фильма «Травиату». Она смотрела на сцену, сжимала руку Алана в своей и чувствовала, как по щекам текут слёзы — не от грусти, а от полноты чувств. От осознания того, что она сейчас здесь, в этом городе, в этом зале, с этим мужчиной. Что она жива. Что она любима. Что она, кажется, любит сама.

— Спасибо тебе, — прошептала она, когда зажегся свет и зал взорвался аплодисментами.

— За что? — он повернулся к ней и улыбнулся.

— За всё. За Вену. За Оперу. За то, что ты есть.

Он ничего не ответил. Просто взял её за руку и поцеловал в ладонь.

На следующий день, перед обратным рейсом, у них было ещё несколько часов. Алан показал ей дворец Шёнбрунн — бывшую летнюю резиденцию Габсбургов, — и они долго гуляли по парку, держась за руки, как обычные туристы. Он рассказывал о своей первой поездке в Вену — двадцать лет назад, когда он был ещё молодым и неопытным, и Вена показалась ему сказкой, в которую он не достоин войти. А теперь он приехал сюда с женщиной, которую любит, и город наконец-то открылся ему по-настоящему.

— Всё меняется, когда рядом есть кто-то, с кем можно разделить красоту, — сказал он задумчиво. — Я много раз бывал здесь один, и каждый раз чувствовал себя чужим. А сегодня — нет. Сегодня я чувствую, что я — дома.

— Потому что Вена — твой город?

— Потому что ты — со мной, — поправил он.

Обратный рейс был не таким страстным, как первый, но не менее нежным. Они сидели рядом, укрывшись одним пледом, пили чай и смотрели на облака. Элла рассказывала о своих впечатлениях от Вены, Алан — о том, как прошла деловая встреча. Оказалось, он заключил важный контракт, который выведет его компанию на новый уровень. И он был рад, что она была рядом в этот момент.

— Знаешь, что я поняла за эти три дня? — спросила Элла, когда самолёт уже начал снижаться.

— Что?

— Что я хочу быть с тобой. Не просто встречаться. Не просто ужинать в ресторанах. А быть с тобой по-настоящему. Делить жизнь. И радости, и трудности. Как эти три дня.

Алан долго смотрел на неё, и в его серых глазах было столько любви, что у неё снова защемило сердце.

— Ты даже не представляешь, как долго я ждал этих слов, — сказал он тихо. — И как я счастлив их слышать.

— Я люблю тебя, — сказала Элла. — Кажется, я поняла это только сейчас. Там, в Опере. Или, может, ещё раньше — когда мы были над облаками. Я люблю тебя, Алан.

Он взял её лицо в ладони и поцеловал — нежно, трепетно, как в самый первый раз.

— Я люблю тебя, моя дорогая, — ответил он. — И обещаю: ты никогда не пожалеешь, что выбрала меня.

Она улыбнулась и прижалась к его плечу. Самолёт пошёл на посадку. В иллюминаторе уже виднелись огни родного города. Завтра начиналась обычная жизнь — работа, пациенты, хомячки. Но что-то изменилось. Что-то важное. Она сделала выбор. Окончательно и бесповоротно.

Или ей всё ещё только казалось?

—

После возвращения из Вены прошло три дня. Три дня, в течение которых Элла пыталась убедить себя, что всё в порядке. Что лёгкая тошнота по утрам — это просто смена часовых поясов и усталость после перелёта. Что головокружение — от переизбытка впечатлений. Что странная чувствительность к запахам — ну, может, она просто переутомилась на работе.

Но на четвёртое утро, когда её вывернуло наизнанку от одного только запаха кофе — того самого кофе, который она обожала и пила каждое утро последние десять лет, — отрицать очевидное стало невозможно.

Она стояла на коленях перед унитазом, судорожно вцепившись в прохладный фаянс, и в голове у неё билась одна-единственная мысль: «Этого не может быть. Этого просто не может быть».

Но когда она поднялась, умылась холодной водой и посмотрела на своё отражение в зеркале — бледное, с тёмными кругами под глазами, — то вдруг поняла: ещё как может. Она прокрутила в памяти все их встречи с Аланом. Шале в горах. Галерея. Самолёт. Ни разу — ни единого раза — они не предохранялись. Эта мысль, простая и страшная, обрушилась на неё как снежная лавина.

Она — взрослая женщина. Она — врач (да, ветеринарный врач, но всё же врач). Она знает всё о контрацепции, о циклах, о последствиях. И она ни разу об этом не подумала. Ни разу. Потому что в моменты близости с Аланом всё остальное просто исчезало. Остатки здравого смысла, осторожности, ответственности — всё это тонуло в его серых глазах, в его прикосновениях, в его шёпоте. Она теряла голову — теряла настолько, что забыла о самом элементарном.

— Дура, — прошептала она своему отражению. — Какая же ты дура, Элла.

Она оделась механически, на автопилоте, и поехала в аптеку. Не в ту, что рядом с домом, где её знали в лицо, а в другую, на другом конце города, где никто не спросит, никто не узнает. Купила три теста — разных фирм, чтобы наверняка, — и вернулась домой.

Три минуты ожидания растянулись на целую вечность. Эти минуты мучительно и очень медленно шли. Элла сидела на краю ванны, глядя на три пластиковые полоски, выложенные в ряд на стиральной машине, и вспоминала. Вспоминала, как в шале, у камина, Алан говорил ей: «Ты — та самая». Как в самолёте, среди звёзд, она сама сказала ему: «Я люблю тебя». Как он целовал её в Венской опере. Как планировал их совместное будущее.

И ни слова. Ни единого слова о предохранении. Ни от него, ни от неё. Как будто они оба забыли, что страсть имеет последствия.

Таймер на телефоне прозвенел. Элла глубоко вздохнула и взяла в руки первый тест. Две полоски. Второй — две полоски. Третий — две полоски.

Она была беременна.

Беременна.

Да, беременна.

Элла опустилась на пол, прямо на холодный кафель, и замерла, глядя в одну точку. В голове был туман. Беременна. От Алана. Человека, которого она, кажется, любит. Который, кажется, любит её. Но с которым она знакома всего несколько недель. С которым она ещё даже не была на том самом семейном ужине, где он обещал познакомить её со своим отцом.

Что она скажет ему? Как он отреагирует? Захочет ли он этого ребёнка? А если нет? А если он решит, что она «такая же, как все», что она пытается его заарканить, женить на себе?

Тысячи мыслей проносились в голове, и ни одна из них не была утешительной. Она вспомнила Марго. Вспомнила, как та кричала в «Империале»: «Он использовал меня и вышвырнул!» Вспомнила, как Алан тогда спокойно вызвал охрану. А что, если и с ней случится то же самое? Что, если он решит, что этот ребёнок — обуза? Что, если он просто исчезнет из её жизни, оставив её одну?

С другой стороны — он говорил ей о любви. Он заказал её портрет. Он повёз её в Вену. Он хотел познакомить с отцом. Это ведь не похоже на поведение мужчины, который просто «охотится». Это похоже на поведение мужчины, который действительно хочет быть с ней. Открывает свой мир и строит совместное будущее.

Но достаточно ли этого? Достаточно ли этого для того, чтобы связать себя на всю жизнь? Потому что ребёнок — это на всю жизнь.

Элла закрыла лицо руками и глубоко задышала, пытаясь успокоиться. Но паника поглощала её всё сильнее и сильнее. Ей нужно было успокоиться и подумать. Нужно было решить, что делать. Нужно было кому-то рассказать — но кому? Маме? Нет, мама сразу начнёт без умолку щебетать и задавать бесконечные вопросы, на которые у Эллы нет ответов. Подругам? Их у неё почти не было — работа отнимала всё время. Матвею? При мысли о Матвее внутри что-то болезненно сжалось.

Матвей. Человек, который говорил ей: «Ты — та женщина, с которой я хочу растить детей». А она тогда слушала его и думала об Алане. А теперь она беременна от Алана, а Матвей, наверное, уже и думать о ней забыл.

Или нет?

Она решительно встала с пола, засунула тесты обратно в их упаковку и выбросила в мусорное ведро. Потом, поколебавшись, достала их обратно и засунула в карман халата. Думая, походила по комнате и отнесла тесты в спальню, спрятав в ящик с нижним бельём. Не сейчас. Она расскажет Алану. Обязательно расскажет. Но сначала ей нужно собраться с мыслями. Сначала ей необходимо успокоиться. Сначала ей нужно понять, чего она сама хочет.

А пока — работа. Пациенты. Хомячки. Может быть, привычная рутина поможет ей прийти в себя. Заземлиться. Остановить панику. И всё решить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.